

Идти со мною под венец.

7

Я помню, помню день волнения —
Свой неожиданный конец,
Веселый вечер обручения
И блеск обмененных колец.
Родных радушные приветы,
И рог, осушенный до дна,
И благосклонные приметы
Гостей, веселых от вина.
И вдруг, не знаю кто, при свете
Свечей, горевших вдалеке,
Печальным голосом отметил
Пятно у мужа на руке.
И я, и все узнали сразу
Пятно, разросшееся вкось,
И слово страшное — проказа,
Как гул подземный, пронеслось.
И я запомнил - прокаженный -
И буду помнить до конца
Животным страхом искажённый
Весь облик милого лица.
Конец всему! Одни дороги
Узнали, что я пережил,
И на родительском пороге
Меня никто не проводил.

8

Кого люблю, тех испытую!
Так обещал когда-то Бог.
И вот, мою любовь земную
Он лучше испытать не мог.
Всему конец! Страшнее смерти
Отчаянья бессильный гнев,
Но я познал сиянье тверди,
Отчаянье преодолев,
Познал, что в жизни есть иное,
Еще неизвестное мной —
Возвышенное и простое,
Как это небо голубое
Вслед за промчавшейся грозой;
Что всё пройдет, как дым летучий,
Что есть всему законный срок,
И в новой доле — самой лучшей —
Теперь я нищ и одинок.

9

Здесь видели когда-то Креза
Вокруг лежащие поля,
Хранит здесь кости и железо
Всё поглотившая земля.

Во имя праведной свободы
Она не терпит суеты, —
Что ей погибшие народы,
Когда опять цветут цветы,
И тот же вольный ветер веет,
Как над Элладой веял он,
И так же счастливо синее
Анатолийский небосклон.

10

Всему есть свой черед и мера!
Ты видишь римский водоём,
Но нимфы не живут в пещерах
В любимом городе своём.
Суровой мудрости Корана
Страна покорна и молчит,
Евангелие от Иоанна
Уже давно здесь не звучит.
Со мной живут одни лишь змеи
Средь этих выжженных камней, -
Меня бездомней и беднее
Ты не встречал еще людей.
Но, внемля голосу пророчеств,
Познал я тайны бытия,
И нет прекрасней одиночеств,
Чем жизнь свободная моя.

11

Тебя влечет еще отчизна,
Манит родная сторона, —
Давно оплаканная тризна
Ужель тебе еще нужна?
Что ты найдешь в стране печальной,
В твоей стране среди снегов?
Зачем ее холодной тайной
Твоя отравлена любовь?
Зачем ты ждешь ее ответа,
Когда ты должен быть ничей,
Как этот ветер иль как этот
Журчащий весело ручей.
Что надо жизни человеческой?
Что ищешь ты? Тебя здесь ждёт
Мое вино, и сыр овечий,
И черный хлеб, и дикий мёд.
Живи со мною на свободе
И пей из кубка моего
За жизнь, в которой всё проходит
И не проходит ничего».

12

И я пригубил полный кубок,
Но сразу дрогнул небосклон, -

Вино, как яд, ожгло мне губы,
И я слышал сквозь крепкий сон
Каким невыразимым криком
Я закричал ему в ответ:
«А я рожден в просторе диком,
В стране, которой лучше нет!
И я не помню свое детство
И мирный лик своей страны, —
Я только помню с малолетства
Огонь бессмысленной войны,
Войны слепой, междуусобной,
Где брат на брата шел, когда
Слились в единый плач надгробный
Испепелённые года.
Я помню страшное начало -
Как вышел я его встречать,
Да те слова, что мне сказала
Благословляющая мать:
«Иди, мой сын, иди смелее!
И жизнь моя уйдет с тобой,
Но будет мне еще больнее,
Когда останешься со мной».

13

Любовь! Ты знаешь, что такое
Ее животворящий пыл?
И всё живое, всё земное
Любил ли ты, как я любил?
Когда душа уже не знает
Кому доверится, любя,
Когда весь звездный мир сияет
Лишь над тобой и для тебя,
Когда земля с тобою дышит,
И нет на свете никого,
Кто не поймет и не услышит
Биенья сердца твоего.
Любовь! Но выше всех Любостей,
И бескорыстней, и сильней,
Влекущий зов отцовской крови
И крови матери твоей.
Познал я горечь всех скитаний,
Чужую жизнь и чуждый кров,
Всё униженье подаяний
У европейских берегов.

14

Я видел смерть. Быть может, снова
Ее увижу, но клянусь -
От прародительского крова
Я никогда не откажусь
И ни на что не променяю
Средь самых черных, страшных дней

Свою любовь к родному краю
И верность родине моей.
За горсть земли из той долины,
Где некогда стоял мой дом,
Готов отдать я все равнины
И все леса в краю чужом.

15

Я древней мудрости внимаю,
Но верю мудрости живой, —
Я до сих пор еще не знаю
Откуда ты и кто такой?
Я внял тебе! Внимай мне тоже
О дальней родине моей
И знай, что нет страны моложе,
И человечней, и нежней;
Что ясен путь ее извечный,
Что ей нельзя с него свернуть,
Когда над ней сияет Млечный,
Единственный на свете путь;
Когда ведет к всемирной лире,
Сквозь кровь, сквозь муки и гроба,
Ее единственная в мире —
Неповторимая судьба».
22 октября 1943 года.
Завод Рено.

Сказка

Не в каком-то дальнем царстве,
А в Российском государстве,
Средь пяти земных морей
И несчитанных полей,
Средь песков, как снег, зыбучих,
Средь лесов, как ночь, дремучих,
Ближе к югу, у реки,
Где гуляли казаки,
Где стоит престольный Киев,
Переживший всех Батыев,
Покаравший кровопийц,
Душегубов и убийц
Православного народа,
Где жива еще порода
Гуслиаров-богатырей, -
Там, среди моих степей,
На безыменной реке
Дед живет в зимовнике,
И легка к нему дорога
Для того, кто верит в Бога,
И кто родину свою

Не забыл в чужом краю.

1

Из бочонка хмель медовый
Разливает дед бедовый,
Разливает и поёт:
«Бог кого-то принесёт
К нам сегодня на веселье,
Что нам думать о похмельи,
Ну-ка, братцы, — чок да чок,
Пропускай живей глоток!».
А вокруг сидят вояки,
Посиневшие от драки
С басурманином врагом,
Задолжавшие кругом,
Всех пиров посудобойцы,
Развеселые пропойцы,
Запорожские усы,
Побуревшие носы.

2

Дед поёт всё: чок да чок!
Вдруг с петель слетел замок,
Покатился, зазвенел,
Пол в передней заскрипел,
И на самом на пороге
Появился гость с дороги,
Рослый, стройный, молодой,
Взор, как небо, голубой,
Безбородый, и румяный,
И в одежде иностранной,
Грудь поднята высоко —
Словом, кровь да молоко!

3

Дед бедовый тут как тут:
«Вашу милость как зовут?».
Гость неспешно отвечает:
«Князь Никита». И бросает
Горсть червонцев старику:
«Разнеси-ка, дед, нам влаги,
Разгони мою тоску —
С давних пор не пил я браги,
Не бывал в своей стране, -
Будьте ласковы ко мне!».
Поклонившись, князь вошел
И присел ко всем за стол.

4

Дед, как бес, засуетился:
«Наливай полнее рог!
Долго в поле гость кружился,

До костей наш князь продрог.
Всё, что есть у нас в печи,
Поскорей на стол мечи!».
Величают князя хором
За веселым разговором:
«Вот-то будет пир горой,
Благодетель дорогой».

5

Для начала пили водку,
Ели студень и селедку,
А когда пришла пора —
Принялись за осетра,
Но чем лучше пили, ели,
Чем сильнее носы краснели,
Тем всё больше горячась,
Чушь порол приезжий князь:
«Ах, вы други!.. Ах, вы братья!..
К. вам склоняюсь я в объятья...».
Дел, глядит - сопят носы,
Затуманились усы.

6

«Сколько было пережито, —
Продолжает князь Никита, —
Сколько разных грез и слёз
Я в изгнании перенёс!..
Где же мой народ прекрасный,
Кто разрушил терем ясный,
И, вернувшись в край родной,
Почему я всем чужой?
Ах, жестокое свиданье,
Ах, холодное вниманье!..
Князь всё больше - ах да ах, -
Точно девица в штанах,
И от слов его равно
Киснут люди и вино.

7

Дед уж этак и разэтак,
Ничего не мог скумекать,
Снова этак и разтак, —
Видит - сам попал впросак, -
Киснут лица, а носы
Опустились в усы.
Что тут делать? Смерть да скука!
Черту впору эта мука!
Тут какой-то храбрый нос
Со слезами произнес:
«Князь, во славу всех князей,
Пожалей своих друзей,
Не тяни ты наши души -

Мы тебя устали слушать,
И, во имя Покрова,
Брось твердить свои слова!
Был ты долго на чужбине,
Научился там вольничать,
И вино тебе не впрок,
Горемычный голубок!
Есть у деда где-то фляга —
Чудодейственная влага,
Что Бакланов-генерал
Перед смертью завещал
Пить тому — но только в меру —
Кто несет в себе холеру».

8

Князь и ахнуть не успел,
Как к нему наш дед подсел,
Мигом вскрыл в печатях фляжку —
Льет баклановскую бражку
В ковш без мерки, на глазок:
«Ну-ка, князь наш - чок да чок!».
Князь глотнул. Его качнуло,
Сорвало потом со стула,
Закружило на полу
И отбросило в золу.

9

Ну, решили все: готово!
Не по молодцу обнова!
Ан, глядят: не торопись,
Из золы поднялся князь.
От лекарства похудал,
Но зато и возмужал -
Очи стали прямо бычьи,
Преисполнены величья,
Голос — медная труба,
Даже верхняя губа
Поросла уже щетиной,
Словом, князь воскрес мужчиной,
И, немедля, в тот же час,
Он отдал такой приказ:
«Всем воякам без различья
Выдать водки за отличья.
Расступись печаль-тоска!
Ну-ка, братцы, - гопака!..».

10

Дед за гусли, князь за бубен!
От Днепра до самых Лубен
Сотрясается земля,
Кольхаются поля,
И запуганный народ

Светопреставленья ждет;
Даже дедов ворон мрачный,
Что ласкал сам Сагайдачный,
Взвился в небо, — кра да кра:
Погибать пришла пора!
Князь Никита не скучает.
С той поры он посещает
Очень часто зимовник
И к баклановке привык.
26/11.1943.

Конь горяч, и норовист, и молод,
Конь еще не верит седоку, —
С этим чертом не распустишь повод
Не подремлешь, наклонившись на луку.
21 июня 1944 <года>

* * *

Без значенья, без причины
Просто так: Шалтай-болтай -
Туровой Ирине
Туровой Николай.
1960

* * *

Зачем нам быть в пресветном стане
Иль в вечной адской полумгле?
Зачем нам выдано заране,
Что мы лишь гости на земле?
Всё, что оно дает — приемлю,
И всё люблю, и всё пою,
И не забуду эту землю
Ни в адском пекле, ни в раю.
И все испытанные муки,
И все божественные сны
Не умолят моей разлуки,
Моей любви земной весны.
Почувствую я дуновенье
За той таинственной чертой,
Куда - хотя бы на мгновенье —
Не заглянул никто живой.
17 ноября 1944 года

Улица

Был полдень не жарок,

Париж не в бреду.
Целуется пара
У всех на виду.
Есть нежность и муки,
И сдержанный пыл.
От уличной скуки
Я снова запил.

* * *

Всегда найдется чем помочь,
И словом, и делами,
И пусть опять приходит ночь
С бессонными глазами.
Она другим еще темней,
Настолько мир им тесен,
Что будто нет живых людей,
И нет чудесных песен.
Ведь только у слепых в ночи
Нет близкого рассвета.
И, ради Бога, не молчи:
Он не простит нам это!

Два восьмистишия

*Jour ou j'abdigueraï, sur le funebre abim.
L'espace et cette chair ou j'etais prison.*

Vinsent Murelli

Не считаю постаревшие года,
Только дни неделями считаю,
В никуда опять я улетаю,
Снова возвращаюсь в никуда.
И, среди моих последних странствий
По необитаемым местам,
Всё еще живу в пространстве,
Но, пожалуй, ближе к небесам.

Я не знал, что одинаково
Бьется сердце у тебя и у меня,
Я не знал, что лестница Иакова
Так похожа на крылатого коня.
В этом легком и счастливом расставании
И с землей, и с жизнью, и с тобой -
До свиданья, только до свидания
В неизбежной встрече мировой.

* * *

О сроках ведаёт один Всевышний Бог!
Но нечего таиться и бояться, -
На перекрестке всех дорог
Нам надо устоять и удержаться.
Не даром — кровь, и муки, и гроба,
Скупые слезы казаков - не даром!
Как ветер зерна, так и нас судьба
Над всем земным пораскидала шаром.
И надо не страшиться помирать,
И знать, за что ещё придется биться.
У нас ведь есть глагол: «казаковать»,
Что значит: никогда не измениться.
И тайной музыкой казачьих рек,
И песнями ветров над ними,
Мы крещены из века в век,
Из рода в род мы рождены родными.
Пройдет орда. И вырастет трава,
Дубок расправится, грозюю смятый.
Над нами вечные покровы Покрова:
Любить всё человечество, как брата.
Придет пора. И будет край родной
От вод Хопра и до калмыцких станов,
Где плакал над последней целиной
Мой друг Бадьма Наранович Уланов.

Каникулы

1

Глухой перелесок. Летают грачи.
Такое безлюдье — кричи, не кричи -
Никто не поможет, никто не спасет,
Когда лиходея на тебя нападет.
Но нет лиходея. Желтеет трава.
От ожидания болит голова.
Такая стоит непробудная тишь,
Что завтра же утром - в Париж.

2

Я от реки сидел невдалеке
И пил вино, как надо, по заслугам,
А ты в реке плыла на тюфяке,
Надутом добродетельным супругом.

И хорошо, что над тобой закат,
Что мне уже безумие не снится.
Подумать только: двадцать лет назад
Была ты непорочная девица.

3

В какой-то хате под Парижем, без простынь,

Лежу в халате, при свече, не зная,
Что мне приснится ветерка полынь
Давным-давно покинутого края.

Я всё любил и всё любить готов,
Расцеловать неподходящий возраст,
Мой дальний край, и Францию, и кров
Хатенки этой, потонувшей в звёздах.

4

Голубое, белое, зелёное
Небо, облако, луг.
Ни в каких боях не опалённое,
Наше знамя, разлучённый друг,

Будет нам везде служить порукою
В том, что мы с рождения одни,
Что ни ссорой, ни разводом, ни разлукою
Невозможно нас разъединить.

* * *

Не стихи, а что стоит за ними,
Только то еще волнует нас —
О любви, непонятой другими,
Краткий целомудренный рассказ.

* * *

Не съест глаза нам едкий дым,
Ведь мы с тобою не такие,
Чтоб дым нас ел. Вообразим
Себя на юге. Но в России.

Среди левады. У костра
Над приазовскою водою
Пора, мой милый друг, пора
Тебе воображать со мною.

Что это не французский лес,
И что поет по-русски птица.
Христос Воскрес: Христос воскрес,
Чтоб никогда не ошибиться.

Приметы

Ты верна своим приметам,
И котят, и луне,
Ты верна себе, при этом
Ни на грош не веришь мне.

Что ни день, то испытанье:
Перешел дорогу кот,
И луна, как в наказанье,
Кривобокая встает.

* * *

Века веков — всё обратится в прах:
Не будет тьмы, но и не будет света.
Но вот любовь еще цветет в сердцах
И вдруг дождется полного расцвета.

* * *

Мы их знавали по войне:
Всегда в папахе, на коне,
Они делили с нами,
Того не зная сами,
Всю славу незакатных лет.
Теперь их с нами больше нет.
Их нет давно, и мы не те.
В сорокалетней пустоте
Осталась только память
О верности меж нами.

* * *

Сегодня в первый раз запел
Какой-то птенчик на рассвете,
И я опять помолодел —
Конец зимы! За годы эти
Я полюбил тепло весны,
Как нестареющие сны,
Как мимолетное свиданье,
Как поэтический рассказ,
Как это пылкое лобзанье,
Как этот блеск счастливых глаз.

* * *

Скоро успокоюсь под землею
Навсегда я от земных трудов.
Над моей могильной, черной мглою
Стаи пролетят других годов...

Будет биться жизнь еще под солнцем,
Будут плакать так же, как и я,
Будут мыслить все над Чудотворцем,
Спрашивая тайны бытия...

Однолеток

Подумать только: это мы
Последние, кто знали
И перемётные сумы,
И блеск холодной стали
Клинков, и лучших из друзей,
Погони и похода,
В боях израненных коней
Нам памятного года
В Крыму, когда на рубеже
Кончалась конница уже.
Подумать только: это мы
В погибельной метели,
Среди тмутараканской тьмы
Случайно уцелели
И в мировом своём плену
До гроба все считаем
Нас породившую страну
Неповторимым раем.
Подумать...

Казачьим заветом

Делюсь я с тобой на ходу, -
Ты будешь мой однолеток
В две тысячи третьем году.

Совесть

Эти кресла, в которых никто
не дремал,
Неприступные эти диваны,
На которых никто, никогда
не поспал,
Ни влюбленный, ни трезвый,
ни пьяный.
Эти книги, которых никто
не читал,
Эти свечи еще не горели, -
Этот зал без гостей,
удивительный зал,
Где ни разу не пили, не пели.
И фарфор, и хрусталь:
но никто уж не пьёт
Из него за подругу, за друга,
И коснувшись, нечаянно,
вдруг разобьёт,
От смертельной тоски, от испуга.
Эта жизнь для вещей, эта жизнь
без людей.
Без пылинки на звонком паркете.

Это совесть твоя:

молчаливый лакей,
Бритый черт в полосатом жилете.

* * *

Короче, как можно короче,
Яснее, как можно ясней -
Двенадцать сияющих строчек
Любви неповторной моей.

* * *

Что тебе, мой тайный и чудесный,
Самому мне неподвластный дар, —
Этот страшный, беспощадный, тесный,
Жизнь испепеляющий пожар;
Бесприютный, беспокойный, устремлённый,
Задохнувшийся в телесной тесноте,
Умирающий, но всё ещё влюблённый
Голос мой, взывающий к тебе.

Анафема

Для всех грехов есть милость и забвенье -
Господь клеймит злопамятных людей, —
И распятый с Христом разбойник и злодей
Поверил первый в жертву искупленья,
Но есть среди людских богопротивных дел
Одно, которому не может быть прощенья,
Оно одно не знает снисхожденья —
Предательство, — мазепинский удел!
И страшная анафема гремит,
Как гром небесный, церкви сотрясая,
Предателя навеки проклиная,
И вторят им из-под могильных плит
Все мертвецы, и вторит всё живое, -
И нет предателю покоя,
Покуда Божий мир незыблемо стоит.

* * *

Хорошо, что смерть сметает
Наши легкие следы,
И вовремя отлетают
Пожелтевшие сады.
Хорошо, что вьюга воеет
Над замерзшею землей,
И из всех часов покоя
Лучший именно зимой;

Хорошо, когда без страха
Отжив свой недолгий век,
В прах - родившийся из праха —
Обратится человек.
Но беда, когда во злобе
И в гордыне пред Творцом,
Он подумает о гробе
С исказившимся лицом.
У кладбищенской ограды
Остановится, крича,
Иль попросит вдруг пощады
В смертный час у палача.
Или, ведая заранее
Все проклятья над собой,
Он покинет поле брани
Потаённую тропой.
Нет тогда ему покоя,
Безмятежного конца.
Смерть уж знает, что такое
Можно взять у мертвеца.

Прогулка

Всегда нам весело вдвоем,
И, припася на завтрак булку,
Опять с тобой мы удерем
На запрещенную прогулку.
В дороге к нам пристанет пёс,
Оставивший собачью драку,
Ты так доверчиво курнос,
Что сразу покоришь собаку.
Как хорошо весной идти
И верить в жизнь, легко и просто.
Благословенны все пути,
Когда по ним идет подросток.

Не страшна мне твоя укоризна
За влюбленность простую мою,
Что ты знала и знаешь, Отчизна,
Про людей в приазовском краю?
Так ли ты их любила, и любишь,
И всегда, как детей, бережешь,
Иль опять равнодушно погубишь
И потом никогда не найдешь!

Заря краснее кумача,
Б рассветной мгле стоят опушки,

О многолетии кричат
Неугомонные кукушки.
И вторит им веселый хор -
Разноголосый гомон птичий.
Ах, мне весна с недавних пор
Нужна, как поцелуй девичий.
И вот, мы с ней идем вдвоем,
Куда — еще не знаем сами,
Я с подорожным костылем,
Она — с апрельскими цветами.
Плывут над нами облака,
В полях гуляет шалый ветер, —
Светла дорога и легка,
И жить легко на этом свете.
А ночью мир по-Божьи прост,
Деревня ждет дождей и хлеба.
В моем окне так много звезд,
Как будто я попал на небо.

Легион

Любимый, но все-таки странный,
Приснившийся Франции сон, -
И свой, и не свой - Иностраный,
Единственный Легион.
Какая-то высшая мера.
Кончая стихи, я начну:
За двадцать легионеров
Можно разрушить страну.

СТИХИ

Н.Н.Туроверова из архива А.М.Трухачёва (Канада)

В 60-70-е годы Н.Н.Туроверов и его дочь Наталья поддерживали дружескую переписку с Александрой Дмитриевной Трухачёвой и её сыном Андреем Михайловичем Трухачёвым, проживавшими в Оттаве (Канада).

Джанкой

Е.В.Б.

Соратники все на покое.
Им ли ворчать на судьбу.
Скажи, что случилось в Джанкое
Зимою в двадцатом году?
И ночь и луна. Королева
Решилась вдруг ехать со мной.
На Перекопе, налево,
Вскипал изумительный бой.
Была ты в нагольном тулупе
С крестовой повязкой сестры.
Мы ночевали в халупе.
Нас освещали костры.

Стихи

1

А.Д.Тр-вой

Дверь была из палисандра
И дворянское окно.
Александра, Александра,
Всё ль равно иль не равно?

2

Никаких сомнений! Никаких вопросов!
Пламя в глазах: ни шагу назад!
Можно ли мне закурить папироску
От глаз твоих, милый казак?
Май 1968 года.

* * *

Снова дома.
Всё знакомо.
И молитвы,
И грехи.
Чёрный кофе,

Рюмка рома,
Папироса
И стихи.

Праздник

Ему объявили сквозь слёзы,
Что в этом печальном году
Не будет Деда Мороза
И ёлок в дворцовом саду.
Всё будет и бедно, и просто,
Что все ожидания зря,
Но не заплакал подросток, -
Последний наследник царя.

Конец Чернецова

Чернецовщина - это пролог к величайшей трехлетней трагедии, которая войдет в историю под названием вооруженной борьбы на юге России, - первая страница из книги о Белых и Красных.

Выстрелы при защите Зимнего Дворца и залпы юнкеров На улицах Москвы не были услышаны Россией, и только на Дону стократным эхом отозвались в сердцах детей - партизан есаула Чернецова.

Я не знаю, был ли когда в истории революции более яркий, более бескорыстный и подвижнический пример протеста личности против диктатуры толпы, чем проявленный этими гимназистами, кадетами и реалистами, вышедшими навстречу лучшим солдатам большевистской идеологии, набранным из кадров тюрем и ночлежек под командой писарей и парикмахеров.

В то время еще не было ни белых, ни красных Армий, ни мобилизации, ни ЧК, ни освагов. Белое движение было только проектом пробиравшихся на Дон узников из Быхова, а в Новочеркасске задыхался атаман Каледин. Россия лежала распластанной в мертвом равнодушии, когда на границах Дона, на железнодорожных колеях столкнулась городская чернь со своим первым и заклятым врагом - детьми-партизанами. И уже потом, в дальнейшем движении, всколыхнувшем всю Россию, борьба никогда не была более жестокой, чем между этими первыми добровольцами двух идеологий. Было бы не моей задачей суммировать психологию участников Белого движения, создавая общий тип, но я не ошибусь, наметив в юных соратниках Чернецова три общих черты: абсолютное отсутствие политики, полнейшее незнакомство с партиями и очень развитое сознание, что они, еще вчера сидевшие за партами, сегодня стали на защиту своих внезапно беспомощных старших братьев, отцов и учителей. И сколько слез, просьб и угроз приходилось преодолевать партизанам в семье, прежде чем выйти на такой влекущий для них путь подвига под окнами родного дома.

Я задержался на партизанах, чтобы легче подойти к образу их вождя, есаула Чернецова. Партизаны его боготворили, и это его лучшая характеристика.

У него была наглая военная дерзость, исключительная способность учитывать и использовать обстановку и беспрекословно подчиняющая воля. В первый раз я с ним встретился зимой 1916 года, на одном из вечеров в тесном зале Каменского клуба. Он был ранен в ногу и ходил с палкой - среднего роста, плотный и коренастый, точно сбитый. Я запомнил его темные насмешливые глаза и смугло-розовый цвет лица. Я не имел тогда возможности, находясь в Военном училище, принять личное участие во всех многочисленных героических и победных эпизодах детского похода на Дону; я встречал лишь в декабрьские дни на черкасских улицах эти единственные фигуры в коротких, кожей наверх, полушубках, как и трупы их в простых гробах по дороге от собора на кладбище, всегда в сопровождении атамана Каледина.

И только в январе 1918 года, задержанный в Каменской, при свидании с родным полком, «Подтелковским переворотом», я имел счастливый случай стать участником последних, закатно-блестящих, дней Чернецовской эпопеи.

Гвардейская бригада, вернувшаяся с фронта в декабре 1917 года и поставленная в район станицы Каменской как заслон с севера, перестала существовать. Рождественское выдвижение бригады на Миллерово и свидание бригадных делегатов с красногвардейцами на Чертково создали тогда такое убеждение казаков: «Нас мутят офицеры. Красногвардейцы - люди как люди. Пусть идут за буржуями да генеральскими погонами другие, а нам-то чего смотреть - айда по домам!».

И уже в начале января среди разъезжающихся и делящих полковые ящики казаков нашелся так нужный Москве «свой человек» на Дону, - подхорунжий 6-й Донской гвардейской батареи Подтелков. Переворот произошел по-домашнему, без крови. Были сорваны погоны, центральная гостиница - заполнена арестованными офицерами, и

военно-революционный комитет из писарей и денщиков, засев в старом здании почты, послал атаману Каледину телеграмму: «Капитулируй на нашу милость». И, когда свидание генерала Каледина с Каменскими послами в Новочеркасске не дало результатов, а северный «карательный» отряд Красной гвардии беспрепятственно передвинулся за спиной Подтелкова с Чертково на Миллерово, - партизанскому отряду есаула Чернецова, единственной реальной силе Войска Донского, было приказано очистить северное направление.

Оставив небольшой заслон на станции «Зверево», в сторону переполненного красногвардейцами Дебальцево есаул Чернецов бьет с налета на разъезде «Северный Донец» пропущенных вперед Подтелковым красных и на рассвете 17 января занимает без боя станицу Каменскую. Столкновения с казаками, чего так опасались в Новочеркасске, не произошло. Высланные на Северный Донец против партизан «революционные» казаки остались равнодушными зрителями короткого разгрома «товарищей», а сам Подтелков с комитетом и частью арестованных офицеров заблаговременно передвинулся на станцию «Глубокую», где к этому времени уже находились главные силы северной группы красногвардейцев во главе с товарищем Макаровым. Местный казачий нарыв, казалось, был прорван, и у ес. Чернецова были развязаны руки для уже привычной ликвидации очередного красногвардейского отряда.

Уже с утра 17 января в пустынной, под морёный дуб, зале Каменского вокзала, у большой иконы Святого Николая стояла очередь местных «реалистов» и гимназистов для записи в отряд. Формальности были просты: записывалась фамилия - и новый партизан со счастливыми глазами надевал короткий овчинный полушубок и впервые заматывал ноги солдатской обмоткой. Здесь же, на буфетной стойке, где еще на днях армянин торговал окаменелыми бутербродами, каменские дамы разворачивали пакеты и кульки, - это был центральный питательный пункт. Штаб отряда поместился в дамской комнате, у дверей которой стоял со штыком партизан, но Чернецова я нашел на путях у эшелонов. Он легко и упруго шел вдоль вагонов навстречу мне, всё такой же плотный и розовый. Моя вторая, и последняя, встреча с ним была длиннее: в отряде был пулемет Кольта, но не было «кольтистов», а я знал эту систему.

Силы отряда, судя по двум длинным эшелонам с двумя трехдвоймовками на открытых платформах, показались бы огромными, но это был только эффект железнодорожной войны: большинство вагонов 3-го класса были пусты. Каменскую заняли 2 сотни партизан с несколькими пулеметами и Михайловско-Константиновской юнкерской батареей, переданной Чернецову от новорожденной Добровольческой армии. Батареей командовал георгиевский кавалер, полковник Миончинский - отец «белой» артиллерии, позже погибший под Ставрополем.

Движение на Глубокую было намечено на следующий день, но к вечеру было получено сообщение о занятии станции «Лихой» со стороны Шмитовской большими силами красногвардейцев. Каменская оказалась отрезанной от Черкаска, надо было оборачиваться назад и ликвидировать непосредственную тыловую угрозу. Одно орудие с полусотней партизан было двинуто к «Лихой» сейчас же, в ночь, а на рассвете 18 января был отправлен и второй эшелон с орудием и сотней партизан. Состав из пустых вагонов был сделан особенно большим - для морального воздействия на противника. Я поместил свой «Кольт» на угле тендера, впереди идущей открытой платформы с юнкерами и пушкой. Машина тяжело брала на подъем по дороге на «Лихую». Вправо и влево от пути, словно вымершие, лежали в снегах хутора. На разъезде «Северный Донец» перешли на левую колею, так как правая была занята уже прошедшим к «Лихой» нашим первым эшелонам. Тут же, около семафора, валялось десятка три мерзлых трупов красногвардейцев в ватных душегрейках. Около 12 часов вышли к «Лихой», став немного позади первого эшелона. Бой под «Лихой» и по обстановке, и по результатам наиболее характерен из всех чернецовских боев, хотя Чернецов и не был на этот раз с партизанами, задержавшись в Каменской для подготовки Глубокинской операции.

Прямо перед нами, в полутора верстах, серело квадратное здание вокзала, сейчас же, левее, на пути в Шмитовскую, дымили паровозы трех стоящих составов, и вокруг станционных построек, точно муравейник, копошилась на снегу темная масса красногвардейцев. Выгрузившись из вагонов, партизаны рассыпались правее и левее пути в редкую цепь и во весь рост, не стреляя, спокойным шагом двинулись к станции. Какой убогой и жидкой казалась эта тонкая цепочка мальчиков в сравнении с плотной, тысячной толпой врага. Тотчас же против них открыл бешеный пулеметный и ружейный огонь. У него оказалась и артиллерия, но шрапнели давали высокого «журавля» над нашей цепью, а гранаты рыли полотно и только 3-4 угодили в пустые вагоны. Наши орудия стреляли очень редко (каждый снаряд был на учете), но первым же попаданием был взорван котел паровоза у заднего эшелона противника благодаря чему все три состава остались в тупике.

Партизаны продолжали всё так же, спокойно и не стреляя приближаться к станции. Было хорошо видно по снегу, как то один, то другой партизан падал, точно спотыкаясь. Наши эшелоны медленно двигались за цепью. Огонь противника достиг высшего напряжения, но с нашей стороны все-таки редко стреляло одно или другое орудие да работали мой «Кольт» и «Максим» с другого эшелона. Уже стали хорошо видны отдельные фигуры красногвардейцев и их пулеметы, поставленные прямо на сугробы перед станцией.

Наконец наша цепь, внезапно сжавшись уже в 200 шагах от противника, с криком «ура» бросилась вперед. Через 20 минут все было кончено.

Беспорядочные толпы красногвардейцев хлынули вдоль полотна на Шмитовскую, едва успев спасти свои орудия. На путях, платформах и сугробах вокруг захваченных 13 пулеметов осталось более ста трупов противника.

Но и наши потери были исключительно велики, не только среди партизан (особенно бросившихся на пулеметы), но и малочисленного офицерского состава. Был ранен руководивший боем поручик Курочкин, убит ротмистр (гусар-ахтырец) Греков, ранено несколько юнкеров. Уже в темноте сносили в вагоны, спотыкаясь через трупы товарищей, раненых и убитых партизан. На матовых от мороза, тускло освещенных стеклах «санитарного вагона» маячили тени доктора и сестер да раздавались стоны и крики раненых.

А в пустом зале 1 класса, усевшись на замызганном полу, партизаны пели:

От Козлова до Ростова
Гремит слава Чернецова.

Сам же Чернецов, узнав о потерях, сказал: «Это хуже поражения».

В захваченных трех красногвардейских составах были копченая рыба, миндаль, изюм, пакованные бритвы, швейные машины и новенький зубо-врачебный кабинет. Ночью несли охранение, а утром половина партизан с ранеными и убитыми вернулась в Каменскую. Этим же утром приехало верхами с десятков казаков из соседних с «Лихой» хуторов, несколько подъехало к собирающемуся отходить эшелону. В это время как раз переносили из одного вагона в другой раненого в живот, лет 14-ти, партизана. Его глаза были закрыты, он протяжно стонал. Казаки проводили глазами раненого, повернули лошадей. «Дитё, а чего лез, спрашивается?», - бросил один из них. Я вернулся на паровозе в Каменскую около 2 часов, в надежде найти в местных арсеналах орудийные снаряды.

Каменский вокзал обстреливался высланной с Глубокой на платформе пушкой, у вагона с трупами партизан стояла толпа, опознающая своих детей, а в зале шла панихида.

Вечером вернулись все остававшиеся на «Лихой» партизаны и была получена телеграмма атамана Каледина - есаул Чернецов был произведен прямо в полковники.

За день пребывания Чернецова в Каменской была сформирована офицерская дружина и небольшой, из учащихся младших классов, отряд полковника Кузнецова. Офицеры Лейб-гвардии Атаманского полка составили свою пулеметную команду. Поздно

вечером в дамской комнате был составлен план завтрашней ликвидации глубокинской группы большевиков.

Сам Чернецов с полутора сотней партизан при трех пулеметах и одном орудии должен был, выступив рано 20 января, походным порядком (это был первый случай) обойти Глубокую с северо-востока, испортить железнодорожный путь на Тарасовку и атаковать станцию с севера.

Оставшаяся часть партизан, с другим орудием, при поддержке офицерской дружины должна была, продвигаясь по железной дороге, одновременно атаковать Глубокую с юга. Атаки приурочиваются точно к 12 часам дня. Таким образом операция рассчитывалась на окружение и полную ликвидацию противника. Силы же его приблизительно (в то время разведки не вели, а определяли количество врага уже в бою) считались в 1000 с лишним штыков. Но, повторяю, вопрос с подтелковским комитетом считался ликвидированным, и возможности встречи с казачьими «красными» силами никто не допускал так как не имелось даже слухов об их существовании.

Подъем среди партизан после блестящего дела под «Лихой» вследствие получения первых наград, - георгиевских медалей и производства в полковники их вождя - был неопишем. Никто не спал в эту длинную январскую ночь. Залы и коридоры каменского вокзала были заполнены партизанами с возбужденными, блестящими глазами, всех чаровал завтрашний, решительный и, несомненно победный, день. Сужу по себе, когда мне было предложено остаться в Каменской, чтобы охранять со своим пулеметом вокзал на случай выступления местных - из «яра» - большевиков, то какой острой, какой оскорбительной обидой мне показалось это предложение и сколько отчаянного упорства я приложил, чтобы отстоять свое участие в обходной колонне с полковником Чернецовым!

На мутном январском рассвете обходная колонна двинулась от вокзала через пустынные улицы Каменской. Партизаны с пулеметами были погружены на ломовых извозчиков. С орудием, запряженным в шестерку добытых лошадей, шла конная часть юнкеров и сам полковник Миончинский. В раздобытой откуда-то патронной двуколке поместились две сестры и врач. Мною же был взят принадлежащий строящемуся в Каменской оружейному заводу автомобиль-лимузин, в котором я удалил стекла и приспособил «Кольт». Со мной поместились два юнкера инженерного училища с ломом и французскими ключами; динамитных шашек достать не успели.

Полковник Чернецов верхом, в фуражке мирного времени и длинном, крытом синим сукном полушубке, нагнал отряд на деревянном мосту.

Перейдя замерзший Донец и миновав Старую Станицу, отряд не пошел по тракту, а ударил степью, избегая населенных пунктов⁴.

В Старой Станице бросилась резко в глаза неприязненность казаков. Автомобиль не брал по гололедице, - нужна была цепь, и, когда, не найдя другой, мы сняли с одного колодца-журавля необходимую нам цепь, то целая станица подняла шум, точно мы убивали кого среди бела дня.

День начинался серый, промозглый, с неба падала мгла, и в степи стоял редкий холодный туман. Шли без дороги, обходя буераки, это удлиняло путь. И скоро стало видно, что проводник путает. Начали кружить. Чернецов пересел с коня в автомобиль, где был и проводник. Пошли по компасу. Стало ясно, что к 12 часам, как было назначено, к Глубокой мы не выйдем. А тут одна за другой лопнули на автомобиле три шины, запасных не имелось, и машина едва шла, прямо на колесах, во главе растянувшихся дрогелей с замерзшими, усталыми партизанами. Но я уверен, что в это время никто, не говоря о самом Чернецове, ни на секунду не сомневался в удачном исходе дела, в полном разгроме противника. И эта необычность движения походным порядком только подчеркивала общую веру в победу.

И какая очаровательная самоуверенность расцветала среди туманной степи в

⁴ Старая Станица - название хутора на окраине станицы Каменской (прим. изд-ва).

неожиданно раздавшемся с одной из подвод новом куплете очередного «Журавля»:

Под Лихой лихое дело
Всю Россию облетело.

Только около 4 часов, скрыв движение по откосу балки, отряд вышел к господствующему холму верстах в трех северо-восточнее Глубокой. Автомобиль по диспозиции должен был выйти вперед, на железнодорожный путь, разобрать его, лишив этим возможности отхода эшелонов противника на север, к станции «Тарасовка», но лопаются последняя, четвертая, шина - и машина окончательно становится на дороге с другой стороны балки. Я, сгрузив с юнкерами пулемет, присоединился к отряду. Полковник Чернецов был уже на холме, около спешно устанавливающейся нашей пушки, он на скорую руку обучал резерв в 25-30 новичков-партизан, как держать винтовку, целиться и вкладывать обойму. В начинающихся сизых сумерках еще были хорошо видны прямо перед нами ветряные мельницы, дома и сады на околице Глубокой, и дальше дымы паровозов на станции. Правее, внизу, темнела насыпь железнодорожного пути на «Тарасовку». Была тишина, какая только бывает в зимние сумерки; наступали ли партизаны от Каменской, как было условлено, в 12 часов на Глубокую или заняв исходное положение, ждали нашей запоздавшей атаки, - никто не знал. Полковник Чернецов приказал выдать замерзшим партизанам по 1/2 бутылки водки на троих, и они, рассыпав цепь, скорым шагом начали спускаться к ветрякам. В балке позади холма доктор с сестрами возились около двуколки, стояли с лошадьми коноводы-артиллеристы и, нахлестывая кнутами, мчались назад, в Каменскую, ломовые извозчики. Наша пушка была установлена, но только полковник Миончинский скомандовал: «Огонь», - как в совсем уже синих от темноты глубокинских вишняках мелькнули один за другим четыре полымя и над нашим орудием низко разорвались шрапнели. Два юнкера-артиллериста упали. Батарея противника (это была 6-я Донская гвардейская, конечно, без офицеров, но на ее присутствие в Глубокой мы совершенно не рассчитывали) стреляла очень бегло и удачно. Я подошел к полковнику Чернецову доложить относительно брошенного автомобиля, но только кончил, как меня ударило, точно обухом, по голове, и я присел. По щеке и затылку потекла кровь, но высокая и мохнатая папаха меня спасла: шрапнель вскользь сорвала только кожу и мясо на голове. Чернецов нагнулся надо мной. «Вы ранены? - сказал он. - Надеюсь, легко. перевяжитесь и попытайтесь пешком пройти к полотну и испортить путь. Что делать! Каша здесь заваривается круче, чем я думал».

У меня в глазах пошли красные круги, но, замотав бинтом голову, я, с французским ключом в руках, в сопровождении двух юнкеров с ломачами начал спускаться вправо, к полотну. Уже сзади был слышен голос полковника Миончинского: «Наше орудие стрелять не может - испорчен ударник». И в ответ крепкое слово полковника Чернецова. Слева же, в стороне от Глубокой, разгоралась пулеметная и ружейная стрельба, горели огни на вокзале и всё так же часто полыхали вспышки орудийных выстрелов. На полотне никого не было, но только мы успели отвинтить одну гайку на стыке, как со стороны Глубокой увидели идущий на нас без огней эшелон. Бросив на рельсы две-три лежавшие вблизи шпалы, мы едва успели залечь в пахоту, саженьях в 30 от пути. Эшелон из 4 товарных вагонов, наткнувшись на шпалы, стал. Из вагонов раздались матерная ругань и беспорядочная стрельба в нашу сторону. Освободив путь, эшелон медленно продвинулся с 1/2 версты и остановился. По шуму и крикам в уже спустившейся ночи я понял: красногвардейцы сгрузились и рассыпают цепь лицом к нам. Таким образом, появилась совершенно неожиданная угроза нашему флангу, почти тылу, противопоставить которой мы могли лишь 30 партизан резерва (если он еще не был израсходован) и испорченную пушку. Мы повернули назад к бугру, спеша сообщить полковнику Чернецову о новом движении, но, немного пройдя, наткнулись на цепь красноармейцев, идущих со стороны Глубокой, лицом к только что выгрузившимся из вагонов. Понять что-либо было трудно.

Нас приняли за своих. Стараясь как можно неистовее ругаться в унисон товарищам, мы спешили выкарабкаться из этого сужающегося коридора идущих навстречу друг другу цепей. Когда, наконец, отбившись от неприятельской цепи, низко пригибаясь к земле, чтобы лучше видеть на фоне ночного неба, мы набрели на холм, то нашли там уже спрятанную пушку и у колёс ее, над едва тлеющими углями костра, полковника Чернецова.

«Ну, что у вас хорошего?», - обратился он ко мне. Я стал докладывать. В это время внизу, откуда только что вернулись мы, раздалась хаотичная пальба и грянуло «ура». Расчет главковерха, товарища Макарова, зажать находящихся на холме своими цепями неожиданно рухнул: красногвардейские цепи не дотянули до нашего холма, и взаимно приняли в темноте друг друга за врага, вступили в бой между собой. В течение почти часа мы были свидетелями ночного боя товарищей. Потом всё стихло и стало слышно, как пыхтел паровоз, увозя десант назад, на Глубокую. «Это побоище было бы весело для нас, только не теперь», - сказал полковник Чернецов.

Атака наших партизан на Глубокую была неудачна. И эта неудача была первой за время существования отряда. Выданная для того, чтобы согреть мерзших в течение дня партизан, водка опьянила их. Они пошли, как всегда, во весь рост, но беспорядочная и беспредметная стрельба и более чем раннее «ура» не сделали в уже густых сумерках нашу атаку неожиданной. Несмотря на это, партизаны всё же ворвались на станцию, заняли вокзал, штыковым ударом опрокинули сгруппировавшихся около составов красногвардейцев, но случилась третья (после плохого проводника и выданной водки), до сих пор необъяснимая, роковая ошибка - с юга, со стороны Каменской, нас никто не поддержал. Наступила та ужасная реакция, которую дает в уставших людях алкоголь. Все три пулемета заклинились, и партизаны стали вновь вчерашними детьми. Смешавшись во мраке с красногвардейцами, они теперь поодиночке возвращались к исходному пункту - к бугру. Часть же их, во главе с Романом Лазаревым, который вел цепь, с разгона пробилась через Глубокую в сторону Каменской. В этом неуспехе, как никогда, ярко вырисовалась та исключительная способность Чернецова влиять на людей, которой ни в ком я больше не встречал. Двумя-тремя оброненными, как бы невзначай, словами, с ему лишь присущим смешком, он вновь превратил размякших в нервном упадке детей в солдат, быть может, лучших из всех, каких только знало Белое движение. Учесть наши потери было трудно, но налицо вместо сотни с лишним партизан имелось едва 60 голодных, холодных и уставших, с 3-мя заклинившими пулеметами и испорченной пушкой. Всё было рассчитано на безусловное занятие Глубоккой, и запас патронов был мал, не говоря о запасе консервов и хлеба. Вопрос о вторичной попытке занятия Глубоккой, при непонятной пассивности каменской группы и отсутствии связи с ней, не мог подниматься. Ночь была холодная, подул северо-восток. Партизаны дрожали, прижавшись друг к другу на ледяном бугре. В десятом часу полковник Чернецов приказал подниматься - не мерзнуть же нам здесь!

И повел нас прямо на Глубокую, т.е. к противнику. Он был уверен в способе охраны большевиков, и не ошибся: красногвардейцы сбились все на станции, а мы расположились на ночь в крайнем доме поселка, в двухстах саженях от врага. В трех маленьких комнатах, разделив последние 10 банок консервов, на полу, под скамейками и столами лежали спящие партизаны, тут же возились с замком от орудия юнкера-артиллеристы. У единственной кровати врач и сестра милосердия перевязывали раненных (были только легко раненые, тяжело раненные остались у большевиков). У меня болела от раны голова, спать я не мог. Полковник Чернецов всё время обходил часовых на улице и базу двора, он еще надеялся, что со стороны Каменской поведут наступление. Перед рассветом партизан со сна, возясь с винтовкой, нечаянно выстрелил и убил наповал спящего юнкера. Я видел, как передернулось лицо Чернецова и он глухо бросил фразу, отразившую его общее недовольство происходящим.

Заря была холодная, ясная и ветреная. Мы вытянулись по каменскому шляху. Справа, внизу, лежала «Глубокая», над станцией розово и прямо всходили дымы

паровозов. Обстреляли (чтобы опять дать знать каменской группировке, что мы здесь) вокзал. Нам никто не ответил. Я, с одним юнкером и доктором, на лошадях шел на 1/4 версты впереди отряда, как авангард.

О каком-либо преследовании нас, тем более, о встрече с противником в степи никто не думал. Впереди бежал черный, обледенелый, широкий шлях на Каменскую. Степь была почти без снега, с затянутыми белесым тонким льдом лужами. Шли медленно. Впереди верхом - полковник Чернецов и полковник Миончинский, за ними - орудие, конные юнкера, и сзади, по шести, партизаны. Уже около 11 часов стали подниматься по отлогому подъему, прошли почти полпути, чтобы спуститься во впадину около хутора Гусева. Неожиданно справа, из-за трех курганов, хлопнули два выстрела и высоко над головой пропели пули. Я со своими спутниками, повернув коней, поскакал, стараясь обогнуть поглубже с тыла курган. За ним мы увидели двух спешенных людей, спешащих сесть на коней. Нагнали их близко, в перестрелке один из них был убит, другой ушел. Каково было наше удивление, когда в мертвом, и по чубу, и по лампасам, мы узнали казака. Вернувшись, я тотчас доложил Чернецову. Затем я снова с юнкером и врачом выдвинулся вперед, но только поднялся на перевал, как должен был остановиться пораженный. На противоположном, пологом, скате низины, верстах в двух перерезав шлях, стояла лицом к нам темная масса конницы. Тонкая цепь конных дозоров была раскинута полукругом охватывая нас. Я послал к полковнику Чернецову юнкера, но он сам уже увидел нашу остановку, и рысью подъехал к нам. В этот момент из общей конной массы наметом вылетела батарея (так нам казалось, и мы не ошиблись) и, проскакав назад, к противоположному гребню, стала, - орудия устанавливали.

«Что это? Откуда и кто? - воскликнул Чернецов. - Поезжайте скорее к ним и узнайте, - обратился он ко мне, - если казаки, предложите им немедленно нас пропустить, с казаками я войны не веду, если же товарищи... что ж, будем драться». Я тронул коня, спустился в низину и, поднимаясь к неизвестной коннице, стал махать белым носовым платком. Мне уже хорошо было видно - и по посадке, и по форме, что это казаки. По мне начали стрелять сначала из винтовок, потом из пулемета, и несколько конных поскакало, стараясь отрезать меня от отряда. Я повернул коня назад. В это время со стороны казаков раздалось четыре орудийных выстрела и гранаты взрыли мерзлую землю на том месте, где я оставил полковника Чернецова и где теперь уже стояла наша пушка и партизаны рассыпали цепь. Влево, впереди, виднелся хутор Гусев, а перед ним, ближе к нам, начинался маленький крутосклонный буерак.

Начался бой, если можно так назвать избиение полусотни партизан, лишенных патронов, среди голой степи. Наша пушка едва успела раз выстрелить, как была уже подбита, в двуколку угодило сразу две гранаты, и я видел только, как в дыму разрыва мелькнули юбки сестер. Батарея (это была опять 6-я Донская гвардейская) била прямой наводкой, не жалея снарядов, и через 10 минут трудно было разобрать нашу жалкую цепь в черном дыму сплошных разрывов. Казаки не стреляли, а расстреливали нас, как мишени на учебной стрельбе. Подо мной убило лошадь, сильно контузив мне правую ногу, но мне посчастливилось взобраться на другую, из-под только что убитого юнкера. Казаки в это время густой лавой (их было около 500 шашек), сначала рысью, потом наметом, пошли на нас. Они были, очевидно, уверены, что с нами уже всё кончено, но, когда с двухсот шагов их встретили два залпа партизан из последних патронов, под звенящую команду Чернецова, они так же быстро поскакали назад и, пропустив вперед 4 пулемета (у нас не работал ни один), начали нас добивать. Наша цепь ринулась влево, к буераку, во главе с Чернецовым, который слез с коня. Партизаны падали в убойном огне орудий и пулеметов один за другим. Я хотел также спешиться, но Чернецов мне крикнул (он шел, подобрав для удобства длинные полы своего полушубка): «Скачите в Гусев, соберите стариков, что же это такое?.. Я отхожу в овраг. Спешите, нам нечем отбиваться!». Я погнал коня, стараясь проскочить в хутор ранее, чем бросившийся мне наперерез десяток казаков. За мною скакал, уткнув голову, в ватной стеганой душегрейке, наш врач. Гусев был прямо

перед нами, верстах в двух, казаки скакали справа, наперерез, в версте, крича и стреляя на ходу. Было ясно: перехватить нас они не успеют. Наши лошади были в мыле, но шли крепким и широким махом. Казаки оставались уже сзади, и нам было видно у крайних домов хутора большую толпу. Но только мы подъехали к ней, сдержав тяжело дышавших лошадей, как толпа ринулась к нам, окружила, наших коней схватила под уздцы: «Бей их! Валяй наземь!». В меня вцепилось десяток рук. Какой-то сизый старик с длинным железным прутом, крича: «Стой, братцы, я его сейчас», размахнулся и ударил меня по голове, сбив папаху. Доктора уже стянули с лошади и, раскачивая за ноги и руки, били об землю. Между моей ногой и седлом засунули палку, старик вновь ударил меня прутом по лицу, и я упал грудью к земле, спрятав голову в согнутую руку. Били палками, плетьюми, а у кого ничего в руках не было - ногами, метя по голове. У меня мелькнула виденная в детстве на ярмарке сцена самосуда над цыганом-вором, и остро хотелось одного: скорей бы потерять сознание, скорей бы конец! В это время раздались крики: «Стой! Не моги добивать. Давай их сюда, надо Голубову представить, потом порешим с ними». Кричали прискакавшие казаки, те, которые гнались за нами. Неохотно, уже пьяная кровью, толпа отхлынула от нас. Доктор едва мог стоять, у меня шла кровь из ушей, носа, рта. Погоня была из 9-ти казаков. Передний, крупный, чубатый и рябой казак, переводя дух после скачки, приказал нам сесть на лошадей и, размахнувшись нагайкой, ударил через голову ближнего к нему доктора. Тот упал, но тотчас вскочил и, захлебываясь, закричал: «Я социал-демократ. Что же это, товарищи, за что? Я работал в царицынской рабочей газете»... Толпа нахлынула вновь. «Чего галдеть - это безземельный. За землей к нам пришел. Земли хочешь? Кончай его, братцы!». Несчастный доктор, собрав последние силы под градом новых ударов, взвалился на седло. Гнавшиеся за нами казаки окружили нас и под улюлюканье толпы мы, едва держась на сёдлах, тронулись шагом в сторону буерака, где еще были слышны пулеметы. Рядом со мной ехал ударивший доктора рябой казак. Как и остальные, он непрестанно ругался и грозил посечь нас шашкой. Потом вдруг, неожиданно переменяя тон, обратился ко мне: «А коняку своего ты мне подари!». Я ему ответил, что лошадь эта не моя, и что он волен, не спрашивая, брать, что хочет. «Нет, я так не хочу, это, выходить, будто силом, ты мне добром подари! Она тебе ни к чему, всё одно всем вам каюк подошел, сдадим вас в Глубокую, а там спуску не дадут». Я, конечно, удовлетворил его просьбу. Мы подъехали к началу буерака, где стоял пулемет и человек 20 казаков. Нас встретили матерной бранью, а наших проводников упреком: «Чего муздыкаетесь с ними - гляди, чисто все в руде (крови), добить их - и всё тут. Эй слезай, братцы, да скидай одежду!». Мы с доктором слезли и стали раздеваться, на мои шаровары и сапоги тотчас нашлись охотники, ватное же пальто доктора отбросили в сторону. Потом нам указали место над размытой канавкой и стали наводить пулемет. Но в этот момент из-за поворота балки показалась грузная, в защитном полушубке и заячьем капелюхе, конная фигура Голубова: все было кончено, остатки партизан сдались. «Кто приказал? Что вы делаете? - крикнул он казакам, увидев нас: - Присоединить их к остальным пленникам!». Наш конец был вновь отсрочен.

Сейчас же за Голубовым ехал на кляче, далеко отставив раненную в ступню ногу, полковник Чернецов. Рана была замотана нижней рубашкой, снятой с убитого партизана. За ним толпой, таща волоком наши три испорченные пулемета, окровавленные от побоев, в исподниках, носках или босиком, шли человек 30, партизаны и юнкера, - всё, что осталось от отряда. Загнанный партизанами в буерак, расстреливаемый в упор с четырех сторон казаками, полковник Чернецов сдался их вождю, войсковому старшине Николаю Голубову. Тяжело точно и подлинно выяснить, что руководило Голубовым в его странной и темной роли на фоне этих незабываемых горящих дней на Дону. Прежде член Союза Русского народа, буйный, бесшабашно-храбрый офицер на войне, бунтовщик в революцию, он еще весной 1917 года грезил атаманской булавой среди разнузданной толпы царицынских улиц. Попал в Черкасск уже потом, как пленник атамана Каледина, чтобы через несколько дней, поклявшись в верности атаманской власти, покинуть

новочеркасскую гауптвахту с дикой жадой мести. И теперь, пленив Чернецова, который был младше его, но был уже полковником, завистливый Голубов вышел, наконец, на беспрепятственный мятежный путь, он уже собрал нужную ему казачью «силу», с которой и вошел в феврале, как властелин, в Новочеркасск, чтобы собственной рукой сорвать с атамана Назарова погону, а потом, в апреле, упасть с простреленной казачьей пулей головой на станичном майдане.

Теперь его обрюзгшее, мясистое лицо с белесыми бровями дышало нескрываемым торжеством.

Нас гнали в Глубокую. За нами, почти без строя, шла революционная казачья сила: части 27-го и 44-го полков с 6-й Донской гвардейской батареей. Но Голубов хотел, чтоб Чернецов и мы видели не массу, а строевую часть, не разнузданность, а революционную дисциплину. И, обернувшись назад, он зычно крикнул: «Командиры полков, ко мне!». А когда два казака, нахлестнув лошадей, не забыв по дороге нахлестнуть и партизан, вылетели вперед, Голубов строго прикрикнул: «Идти в колонне по шести. Людям не сметь покидать строя. Командирам сотен идти на своих местах». Казаки-командиры что-то промычали, и один из них, упершись руками в бока, сказал: «А как я погляжу, так наш Голуб и один на один Чернецова порешит, - и, обернувшись к полковнику Чернецову, добавил: - Ух ты, гад проклятый, туда же... с ребятишками лезешь!». Но его намерение ударить Чернецова нагайкой Голубов остановил властным движением руки и сказал: «Ты не можешь так говорить: Чернецов три раза был ранен, он имеет Георгиевское оружие. Не так ли, полковник Чернецов?». И Голубов победно улыбнулся. Чернецов ехал молча, с высоко поднятой головой и полузакрытыми глазами.

Нас гнали. Если кто из раненных и избитых партизан отставал хоть на шаг - его били, подгоняя прикладами и плетью. Несколько мальчиков (мы знали, что нас гонят для передачи красноармейцам в Глубокую, знали, что нас ждет), не выдержав, падали на землю и истерически умоляли казаков убить их сейчас. Их поднимали ударами и снова гнали, и снова били. Это была страшная, окровавленная, с безумными глазами толпа детей в подштанниках, идущая босиком по январской степи. Мы прошли давно уже место боя, перерезали шлях и шли напрямик по степи на Глубокую, приближаясь к железной дороге.

В это время по направлению от разъезда «Дьячкино» подъехали к Голубову три казака и с озабоченными лицами начали ему что-то говорить. Голубов повернулся к Чернецову: «Ваши части ведут наступление по железной дороге на Глубокую. Это теперь бесполезно: вы в моих руках. Напишите приказание о полной остановке наступления и о передаче без боя мне станицы Каменской. Каменская мне необходима. Я же взамен этого не отдам сегодня вас на самосуд красногвардейцам, а, посадив в каменскую тюрьму, буду судить вас всех революционным трибуналом. От себя назначьте для передачи приказа двух людей, я же дам четырех своих»... Полковник Чернецов написал приказание на вырванном из записной книжки листке и приказал отправиться доктору и одному юнкеру. Наши делегаты в сопровождении конных казаков направились влево, на юг, мы же продолжали путь. Боже, сколько глаз смотрело им вслед, сколько их просило передать «последнее прости» родным и друзьям!

Уже было видно железнодорожное полотно с длинным красноармейским эшелоном на нем. Впереди эшелона на плат форме стояла пушка, которая изредка стреляла по невидимым для нас наступающим нашим цепям. Смутно, вправо, обозначалась в начинавшихся сумерках Глубокая. Нас повернули параллельно железной дороге и погнали лицом на Глубокую. в это время со стороны эшелона верхом, в черной кожаной куртке, с биноклем на груди, подъехал к нам вождь революционного движения на Дону Подтелков. Со стороны Каменской продолжали наступать, и Голубов, оставив около 30 человек конвоя, передал нас Подтелкову, а сам с казаками повернул назад, в сторону ведущегося наступления. Подтелков сейчас же выхватил шашку и, вертя ее над головой Чернецова, крикнул: «Сам всех посеку в капусту, если твои щенки хоть пальцем тронут Глубокую». Прекратившие избиение (видимо, уже приелось) казаки начали вновь нас бить. Мне при-

кладом выбили зуб. Эшелон медленно, параллельно нам, отходил к уже близкой Глубокой, стреляя из пушки. Подошли к покрытой тонким льдом, с крутыми обледенелыми берегами, речке Глубочке. Конвой с Подтелковым поехал через мост, нас же погнали вброд. Лед, конечно, проломился, и, по пояс в воде, мы никак не могли вскарабкаться на другой, ледяной, крутой берег. Конвой начал по нас стрелять, трех убил, остальные кое-как, срывая ногти, вылезли на кручу.

Сумерки становились гуще, на Глубокой уже горели огни. Я шел рядом с Чернецовым, держась за его стремя (мне было трудно идти с контуженной ногой в одних носках). Подтелков, по-прежнему ругаясь, вертел шашкой над головой. Чернецов спокойно обратился к нему: «Чего Вы волнуетесь, я сейчас пошлю еще одного с приказанием немедленно прекратить всякое наступление, если его уже не прекратили, - и, обратившись ко мне, добавил: - Передайте мое приказание прекратить все действия против Глубокой, - но тотчас же, нагнувшись и, как бы опираясь на раненую ногу, прошептал: - Наступать, наступать и наступать!».

Только Подтелков собрался мне назначить проводника, как со стороны Глубокой навстречу нам показались три всадника. Это были, конечно, одни из казаков Голубова. Никто из нас, я уверен, не обратил на них внимания. Но Подтелков, находившийся все время в каком-то крикливом экстазе, бросил ненужный вопрос: «Кто такие?». И в этот момент Чернецов молниеносно ударил наотмашь кулаком в лицо Подтелкова, крикнул: «Ура, это наши!». Окровавленные партизаны до этого времени едва передвигавшие ноги, подхватили этот крик с силой и верой, которые могут быть только у обреченных смертников, вдруг почувствовавших свободу. Трудно этому моменту дать верное описание, это было сумасшествие... я видел только, как, широко раскинув руки, свалился с седла Подтелков, как, пригнувшись к лошадиным холкам, ринулся вскачь от нас конвой, как какой-то партизан, стянув за ногу казака, вскочил задом наперед на его лошадь и поскакал с криком: «Ура, генерал Чернецов!». Сам же полковник Чернецов, повернув круто назад, пустил свою клячу наметом, склонясь на сторону вдетой в стремя здоровой ноги. Партизаны разбежались во все стороны. Я бежал к полотну железной дороги, не чувствуя боли ни в ноге, ни в голове, меня переполняла радость, сознание, что я свободен, что я живу.

По ту сторону полотна, над мягким контуром горной гряды, тянувшейся параллельно железной дороге до самой Каменской, едва тлел желтый закат, сумерки густели. Я знал - за полотном, под горами, до Донца идут хутора с густыми вишневыми садами, и по этим садам можно скрытно пробираться к Каменской. Только бы перейти за полотно.

Вдруг вправо от меня, на неподвижно стоящем красноармейском эшелоне, вспыхнуло «ура», раздались выстрелы, и паровоз, рванув, двинул, всё ускоряя ход, состав к Глубокой. Это часть наших партизан, решив, что эшелон - наш, вскочила на площадку, где были пулеметы, но, увидев ошибку, бросилась с голыми руками на красноармейцев. На следующий день были найдены трупы партизан и красноармейцев, упавших в борьбе под колёса состава.

По полю уже раздавались крики: «Стой! Не беги!». Наш конвой опомнился, и бросился искать беглецов. Я едва успел перейти полотно, как увидел за собой двух скачущих казаков, выхода не было, и я бросился в узкую, очень глубокую железнодорожную канаву. На дне было по колено воды, - я, не раздумывая, лег прямо в воду, набрал в грудь воздуха и спрятал голову. Но долго выдержать не мог, я начал задыхаться и поднял голову из воды. Над канавой слышались голоса казаков и шуршание шашек по стенкам канавы. Меня нащупывали. «Да ты слезь с коня, всё одно так не достанешь!», - крикнул один. Но другой огрызнулся: «Сам и слезай, коли такой умный! Говорю, не сюда он сиганул, на пахоте надо искать». Я опять спрятал голову в воду, и, когда вновь поднял, над канавой казаков не было. Но где-то недалеко раздались отчаянные крики и стоны, перешедшие скоро в хрип. Это казаки на близкой от моего

убежища пахоте нашли двух партизан и рубили их. Потом всё стихло. Терпеть дольше ледяную ванну я не имел сил и вылез из канавы. Над горами стоял молодой месяц, ночь была тихая, звездная и морозная. Я перешел, проваливаясь на тонком льду, Глубочку, вышел на чью-то леваду и пошел вишняками и тернами хуторов на Каменскую. От близких хуторов тянуло кизячьим дымом, иногда лаяли собаки, - тогда я садился и ждал, когда они смолкнут. Нервный подъем прошел. Меня знобило, и мучительно хотелось спать. Но я знал: если поддамся и лягу, то больше не встану. И, напрягая последние силы, я шел с детства знакомой, но теперь так трудно угадываемой местностью. Потом начались галлюцинации: на меня двигалась лава, шли цепи, я поразительно ясно различал не только фигуры, но каждую пуговицу на шинелях, слышал шум шагов и фыркание лошадей. Останавливался, поднимал руки, сдавался. Противник, как дым, проходил, не задевая меня, а на смену шли всё новые и новые толпы... Я чувствовал, что близок к помешательству и, насилуя волю, продолжал механически шагать, оставляя горы по правую руку...

Уже перед зарей я подошел к железнодорожному мосту через Донец и, все еще сомневаясь, Каменская ли это (мне всю дорогу мерещилось, что я иду назад, в Глубокую), прошел по гулкому мосту и вышел на офицерскую заставу родного Лейб-гвардии Атаманского полка.

На вокзале была толпа обывателей, офицеров и партизан, ждущая сведений о судьбе отряда, а в дамской комнате седой генерал Усачев, окружной атаман, меня спросил: «Разве Голубов не получил моего требования неприкосновенно доставить вас всех в Каменскую, а раненым предоставить подводы?». Здесь же я нашел и полковника Миончинского, который с несколькими юнкерами верхом пробился еще в начале боя и кружным путем вышел на Каменскую.

Меня спросили о Чернецове, но что мог я ответить?!

В апреле 1918 года, когда, вернувшись из степей, мы с восставшими раздорцами и мелеховцами трижды ходили на Парамоновские рудники выбивать большевиков и трижды не могли их выбить, когда после каждого нашего отступления надо было два дня уговаривать казаков попытаться еще раз наступать, когда бабы ухватами гнали из куреней на «позицию» и дряхлых стариков, развозя по зазеленевшим курганам каймак и галушки, где родные воители лениво постреливали по шахтерам да спали под апрельским солнцем, в дни Страстной недели я узнал о смерти Чернецова.

В хуторе Мокрый Рог, нашей «печки», от которой мы всегда начинали «танцевать» к рудникам, на очередном митинге, когда генерального штаба полковник Гушин стучал кулаком в вышитую грудь своей косоворотки, уверяя, что он самый расподлинный трудовой казак, а казаки сопели и смотрели в землю, я увидел того рябого чубатого казака, который всё просил меня подарить, когда нас пленили, ему лошадь и взял мои сапоги. Он также сразу узнал меня и застенчиво улыбнулся: «Вы дюже не сердчайте, господин сотник, за это... (он искал слово) происшествие. Ошибка получилась. Кто ж его знал? Теперь-то оно всё ясно, всё определилось»... Я прервал его, спросив, не знает ли он что о полковнике Чернецове. Он знал, мы отошли в сторону, закурили, и казак рассказал.

Чернецов поскакал почему-то не в Каменскую, а в родную станицу Калитвенскую, где и заночевал. Станичники в ночь же дали знать об этом на Глубокую, и уже на рассвете Подтелков с несколькими казаками схватил в Калитвенской Чернецова и повез его в Глубокую. По дороге Подтелков издевался над Чернецовым, - Чернецов молчал. Когда же Подтелков ударил его плетью, припомнив его удар кулаком, Чернецов выхватил из внутреннего кармана своего полушубка маленький браунинг и в упор... щелкнул в Подтелкова. В стволе пистолета патрона не было, - Чернецов забыл об этом, не подав патрона из обоймы. Подтелков, выхватив шашку, рубанул его по лицу, и через пять минут казаки ехали дальше, оставив в степи изрубленный труп Чернецова. Николай же Голубов, будто узнав о гибели Чернецова, набросился на Подтелкова, укоряя его, и потом даже

плакал. Так рассказывал казак, а я слушал и думал о том, что самый возвышенный подвиг венчает смерть.

*Февраль 1924 года.
В. Село. Сербия.
«Казачьи Думы»,
г. София (Болгария),
№23, 15 апреля 1924 года.*

«Казачество»

(Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем Казачества)

Н.Н.Туроверов,
казак Донского Войска, поэт.

*Знаем. Дон течёт откуда,
Знаем, чем он украшен –
Украшен он славой русской,
Сам собою доказал.*

(Каз. песня)

Было три Дона: Вольница Дикаго Поля, Имперское Войско Донское и, третий, короткий и пламенный, как зигзаг молнии, казачий сполох. Четвёртого Дона нет.

Там - в Союзе республик - есть Северо-Кавказский край, есть Круп и евреи на Задонской целине, разбухающий, галдливый Ростов, да умирающий на своём юру Новочеркасск. Может быть, там наладилась сила жизни, свой быт, но казаки тут ни при чём.

Здесь - в Европе - казаки, шалея от восьмилетней склоки и болтовни русской эмиграции, ладно пригнали к своей шее крахмальным воротничком, ловко приспособляются к чужой жизни, но свои рестораны называют «Донскими волнами», голосят в них свои песни и ругают Запад.

Историку нашей эпохи надо преодолеть Иловайского казённого и Иловайского революционного, чтобы яснее видеть и осознать минувшие события, их причины и следствия.

Казачеству же (как, положим, и всему русскому народу), кроме этого, надо ещё преодолеть и самоё себя в навыке Государственного самосознания. Любовь к Родному краю, гордость Доном должны только увеличивать, а отнюдь не умять, безграничную любовь к России, непреклонную гордость Российским Государством. Как и России давно пора забыть, ещё такую недавнюю, нарядную экзотику в своём взгляде на казачество, - казаки не только носят лампасы и с гиком скачут на врага, но и пахут землю и хотят учить своих детей. Без России и вне России у казачества не было, нет и не может быть дорог!

России же без казаков было бы труднее идти своим историческим путём, будет тяжелее возвращаться на своё историческое лоно.

** *

Будущее должно строиться на том лучшем, что дало прошлое. Вольница создала самое лучшее и ценное - она выковала казака, а уже этот казак дал Ермака, Межакова, Платова, Бакланова, Каледина, правда, дал он и Разиных, но едва ли с последними казачеству по дороге.

Просто потому, что давно уже нет ни тех персидских шелков, которые от избытка удали надо купать в дёгтю, ни восточных княжён, которых можно кидать во славу Дона в море.

А как опасно красочную старину проводить в жизнь, показали трагические, незабываемые годы гражданской войны. Показал и Мамонтовский рейд, и, пожалуй, больше него, реставрированный Круг.

«С Дона выдачи нет», - крикнул в августе 17 года М.П.Богаевский приехавшему из Петербурга за Калединым Скобелеву, чтобы через 5 месяцев Каледин, увидя, что, кроме «круговой» болтовни, ничего нет, покончил с собой, и Назаров был взят и уведён на

смерть Голубовым с самого заседания Круга. А когда весной 18 года Антонов разрядил свой наган в затылок восторженному идеологу Донских вольностей М.П.Богаевскому, - разве председатель Круга ударил шашкой об землю, призывая к мести, разве члены Круга искали мешков, чтобы кинуть в них непрошенных гостей в Дон? Вольница Дикого Поля знала свободу, равенство и братство, но кого теперь этим удивишь? Казак каждый день теперь читает эту формулу на парижских школах и церквах.

* * *

Будущее четвёртого казачьего Дона органически связано с крестьянским вопросом на Дону, перебить всех донских хохлов - это, конечно, не решение вопроса, перевести их всех в казачье сословие равносильно переходу всех казаков в донское крестьянство.

Мирное же сожительство, при сохранении казаками своих паев, войсковых юртов, прав на рыбные ловли, в будущем невозможно.

Надо или крестьянам уйти на новые надель, или казакам, покинув Дон, создавать своё четвёртое войско уже не на Дону. Направление исхода остаётся одним - на Восток, в Сибирь. И в этом гораздо менее невероятного, чем в переселениях в Колумбию, в Бразилию, в Аргентину, куда, если не на всю жизнь (об этом как-то жутко думать), то на очень долгий срок, готовы ехать многие казаки.

** *

Казачья ухватка, казачья смётка, казачья удаль. Вещи, которые не поддаются влиянию никаких политических экспериментов. Они остаются теми же и там, на бывшем Дону, и здесь, в Европе.

Как и казачий своеобразный говорок, с его отсутствием среднего рода (войско - храбрая, сено - хорошая), с его образными глаголами: сигать - прыгать, гавкать - лаять, болванеть - торчать, с чикамасом вместо окуня, куренём вместо дома, лежнем вместо вальдшнепа и, неизвестно из каких походов занесённым словом, - винцерада вместо плаща.

*г.Париж (Франция),
1928 год.*

Из газеты «Русская мысль»

«Казак казаку - брат на вечные времена» - это аксиома.

«Границы Российской державы лежали на казачьем седле» - тоже аксиома.

«Казак казака - видит издалека» - древняя пословица.

Слово «казак» имеет двенадцать объяснений своего происхождения (столько же, сколько и Казачьих Войск), но самое замечательное: как ни читай его, - даже наоборот, - все равно выходит «Казак»!..

*Н.Н. Туроверов.
Газета «Русская мысль»,
г.Париж (Франция),
12 января 1951 года.*

Молодость Бакланова (Отрывок)

Два года пробыл Бакланов в казачьем, Попова полку, в Крыму. Служба была нетяжелая, край благодатный, в этом же полку служил и отец, служили станичники Бакланова, - ему, наверное, было веселье, чем его молодойке в далекой Гугнинской станице, в невестках, в баклановском доме.

Мужал, раздавался в плечах от полковой жизни молодой гигант урядник Бакланов, всё лучше, всё крепче сидел на коне, все легче играла тяжелой шашкой его рука - куда бы только силушку приложить. В апреле 1828 года Бакланов, «за выслугу лет» был произведен в хорунжие. Как раз начиналась Турецкая война. Эта война была первым крупным боевым испытанием для России в царствование императора Николая I.

Были свежи еще лавры Отечественной войны и европейских походов - мировой славой сияло имя русской армии, в ее рядах еще много было ветеранов недавних блистательных войн. Казалось, начавшаяся война будет недолгой, нетрудной, триумфальной. Турция, только что уничтожив корпус янычаров, еще не создала регулярной армии, внутри страны бушевали мятежи, финансы блистательной Порты были в ужасном состоянии, она не имела союзников, - казалось, ей ли долго сопротивляться российской силе, но это только казалось. Турки оказались сильнее, чем предполагалось, наших войск оказалось недостаточно, да и войска оказались уже не те: аракчеевский учебный шаг на пользу не пошел, нас ждали неприятности под Браиловым, Шумлой, Варной, Курт-Тепе, - победы давались нелегко - война затянулась на два года. Присутствие в действующей армии императора не так воодушевляло войска, как связывало главнокомандующего князя Витгенштейна, человека и без этого нерешительного, - повторялась история начала Отечественной войны - Александра I и Баркляя де Толли. Это понял Николай I - «При мне всё идет дурно», - сказал он, покидая армию и назначая нового главнокомандующего и начальника штаба: Дибига и Толля - младших богатырей Отечественной войны. При них наши дела пошли бодрее: Дибич проделал эффектный поход за Балканы, - стал Дибичем-Забалканским, - взял Адрианополь, но Константинополя не взял-с двадцатипяти тысячной армией это было и невозможно. Заключенный с турками мир освободил греков и сербов, но Царь град, как заколдованный клад, опять ускользнул из русских рук, - панславянской мечте о кресте на купол Айя-Софии суждено, видимо, оставаться только мечтой.

Но всё это история, история - никакого отношения к ней не имел девятнадцатилетний хорунжий Яков Бакланов, когда его отец, уже ставший командиром, повел свой полк из Крыма к границам Турции, а сына послал вперед с депешами Воронцова к Великому Князю Михаилу Павловичу под Браилов.

Чей конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?

Не жалел коня молодой Бакланов - война, война - вот она, долгожданная возможность утолить жажду подвигов и славы, только бы не опоздать! Бакланов прискакал к Браилу накануне штурма, передал депешу и пошел с охотниками впереди штурмовых колонн. Штурм был неудачный, охотники были подняты на воздух не вовремя взорвавшейся миной, Бакланов был оглушен и засыпан землей - это его спасло, все охотники были уничтожены турецкой вылазкой. Пролежав пять дней в госпитале, Бакланов уже скакал назад, навстречу полку, который и встретил под крепостью Костенжи. Пороху молодой хорунжий понюхал, но, прибыв в полк, понюхал и отцовской нагайки: «Не суйся в омут, когда отдалён от своей части», - приговаривал отец, поря безрассудного сына.

Полк перешел Дунай в Исахчах, начиналась зима, военные действия замирали, баклановские казаки схватиться с турками в 28-м году не успели. Старик Бакланов отдал

сына в артиллерию, - науки проходились тогда на практике, пребывание в артиллерии очень потом пригодилось Бакланову - его казачьи ракетные роты на Кавказе стали легендарными.

Вернулся в полк Бакланов только весной 29-го года, когда уже начались военные действия, да и то случайно.

Находясь под Шумлой со своей батареей, Бакланов узнал, что полк отца находится на левом фланге нашего осадного корпуса. Бакланов поехал навестить отца, по дороге, услышав перестрелку и желая узнать в чем дело, выехал из лагеря на холм, перед его глазами лежала долина, пестревшая турецкими и казачьими всадниками, турки сделали очередную вылазку, казаки пошли им навстречу, казачья лава то наскакивала на турок, то, заманивая их, вихрем летела назад, там и тут схватывались в отдельных схватках делибаш и казаки, поблескивали шашки, белели дымки пистолетных выстрелов, - картина была очень живописная. Точно такую же картину наблюдал в это время, правда, на Кавказском фронте, и Пушкин.

Перестрелка за холмами,
Смотрит лагерь их и наш,
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.
Делибаш, не суйся к лаве!
Пожалей своё житьё,
Вмиг аминь лихой забаве -
Попадешься на копьё.
Эй, казак, не рвися к бою!
Делибаш на всём скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.
Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

Пушкин не только наблюдал эту картину, но и сам чуть не остался без головы, бросившись с донскими казаками на делибашей, как был: в круглой шляпе, в черном сюртуке, с буркой на плечах и с казачьей пикой в руке.

Опустив поводья, Бакланов жадно смотрел на казачью лаву, на турецких всадников; к холму, на котором он стоял, подъехали казачьи офицеры. Бакланов услышал, как один из них сказал: «Вот командирский сынок, служащий в артиллерии, приехал поглазеть на перестрелку, чтобы получить крест или чин». Кровь бросилась в голову Бакланову от этой насмешки. Он схватился за шашку и обернулся, но офицеры, заметя это, спешно отъехали в сторону. Сам не зная почему, - надо же было как-то Доказать насмешникам, что он не трус, - Бакланов гикнул и ударил своего жеребца тяжелой плетью. Застоявшийся его конь поднялся на дыбы и понес всадника прямо к неприятелю. Раздались наши фланкеры, пропуская сумасшедших всадника и коня, казаки в лаве только ахнули, - не слушая повода, закусивший удила жеребец нес Бакланова прямо к туркам, выскочившая навстречу кучка делибашей невольно дала дорогу бешенному жеребцу, - он пронес Бакланова мимо турецких резервов и по краю крутого обрыва вынес опять на прежнюю дорогу. Десяток делибашей бросились ему наперерез, уйти от них на вымотавшемся коне Бакланову уже было невозможно всё ближе он слышал крики делибашей, увидел их рядом с собой, перед его глазами сверкнули кривые сабли, - Бакланов закричал, и... потерял сознание.

Очнулся он только в палатке отца, - казаки выручили его в последний момент.

Бакланов не получил, как ожидал, плетей от отца, но настроение его, надо полагать, было ужасное: какие там подвиги и слава, когда в критический момент падаешь в обморок. Другой на месте Бакланова, быть может, потерял бы навеки сердце - опыт не удался, не зачем его и повторять, но Яков Бакланов был не таков. Жажда проверить себя была сильнее сомнений в своих силах. Возможность для такой проверки скоро представилась.

Баклановский полк 7 июля подошел к нижнему течению Камчика, броды были неудобны, надо было захватить переправу для идущего позади корпуса Рото. Противоположный берег был занят сильным турецким отрядом и хорошо укреплен. Для захвата переправы вызваны были охотники. Первым вызвался хорунжий Бакланов и первым бросился на своем вороном коне в реку, за ним бросились казаки и егеря, под огнем двенадцати турецких орудий смельчаки достигли неприятельского берега, многие погибли, но уцелевшие стремительно ударили на турок, сбили их и гнали до деревни Дервиш-Джеван; Бакланов со своими казаками взял турецкую пушку. Молодой хорунжий во второй раз уже в обморок не упал, сам командир корпуса лично благодарил его на другой день, казаки с уважением смотрели на командирского сына, но и на этот раз ему опять пришлось отведать отцовской нагайки - почему, мол, он бросился в реку на вороном коне, а не на более сильном белом, - вороной мог-де утонуть.

Корпус, в котором был баклановский полк, спускался с последнего уступа Балканских гор в приморскую долину. Стало просторнее казакам, вольготнее их коням, дела пошли веселее. 10-го июля казаки полков Ежова и Бакланова сбили турок на реке Инжакиой, гнали их 10 верст, взяли 7 знамен и 400 пленных; на другой день первыми ворвались в города Месеврию и Ахиол, а потом повернули к Бургасу, где были сосредоточены продовольственные запасы турецкой армии. Полку Бакланова приказано было произвести рекогносцировку Бургасской крепости, ее гарнизон, увидя приближающийся казачий полк, выслал против него 700 всадников, - баклановский полк не только опрокинул эту конницу, но на ее плечах ворвался в Бургас. Крепость была взята с налета в конном строю - случай в военной истории весьма редкостный. Молодой Бакланов вошел в крепость последним - под ним была убита лошадь. Отец получил за это дело орден св. Георгия 4-го класса, а сын за дела предыдущие Анну 4-й степени «за храбрость» и 3-й степени с бантом, стал кавалером уже разных орденов, - в те времена давались они не щедро.

Адрианополь был взят без боя, до Константинополя было рукой подать, но был заключен мир, и весной 1830 года баклановский полк двинулся походом в Бессарабию, до осени стоял там на Пруте, на тех самых местах, которые были знакомы Бакланову еще с детства, здесь он был с отцом восьмилетним мальчиком в кордоне против чумы, здесь впервые узнал он казачью полковую жизнь.

Весело возвращались казаки домой осенью 30-го года, встречал Дон своих родимых-служилых, - многих не досчитался среди них, весело выезжали отец и сын Баклановы в родную Гугнинскую станицу. Пять лет не видала своего Якова Петровича молодая Серафима Ивановна, только месяц пожила она с ним после свадьбы. Три года поживет теперь с ней Яков Петрович, поднимет на свои могучие плечи всё хозяйство, отцу пора и на покой - отвоевался старик. Последним мирным, милым станичным светом промерцают эти три года в жизни Бакланова, - впереди Кавказ - колыбель его чудесной славы.

*«Станица»,
г. Париж (Франция),
№30, апрель 1939 года.*

Гоголь - Репин - Запорожцы

Гоголевский «Тарас Бульба» и репинские «Запорожцы» в нашем представлении являются неразрывно связанными друг с другом в изображении славного Войска Запорожского. История этого Войска чрезвычайно интересна, но и весьма сложна, - стоит ознакомиться хотя бы с многотомными трудами в этой области Д.В. Эварницкого, и, едва ли, достаточно знакомыми широкой публике. Сечь, Запорожье, запорожцы - да ведь это Гоголь и Репин взяты вместе!

Гоголь собирался писать историю Малороссии, но вместо задуманного им многотомного исторического труда написал «Тараса Бульбу» - в историческом отношении вещь весьма неопределённую, что, конечно, не умаляет её очарования. Эта запорожская эпопея остаётся как бы вне времени, - как, впрочем, вне действительности остаются часто у Гоголя и картины Малороссии: величественный гром соловья, подоблачные дубы, редкая птица долетит до середины Днепра!

Быть может, своего Тараса Гоголь писал с кошевого Ивана Сирко, у которого также было два сына - Пётр и Роман, один из которых оказался изменником, указав дорогу янычарам в Сечь. Народные предания о Сирко в то время ещё были свежи, только два поколения отделяли Гоголя от эпохи запорожских войн и походов - его родной дед был писарем Запорожского войска. Гоголь слушал его «дивныя речи про давнюю старину, про наезды запорожцев, про ляхов, про молодецкие дела Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачного...».

Репинская картина имеет точную историческую дату - это ответное письмо запорожцев на ультиматум турецкого султана Махмуда IV. Увы, сохранившийся текст этого письма, подписанного кошевым атаманом «Иваном Сирко зо всим кошом Запорожским», приведён быть не может: оно вне печати.

Для своей картины Репин искал подходящих типов, он их нашёл среди кубанских казаков - потомков запорожцев. Особенно много зарисовок он сделал в станице Пашковской...

*«Станица» (Франция),
№ 31, июль 1939 года.*

Понемногу обо всём

Атаман

Слово «атаман» (по малороссийски «отоман») некоторые производят от англо-саксонского и скандинавского Nedman, у немцев Hauptmann, - «гетман» у малороссийского, казачества. По мнению других, слово «атаман» происходит от «ватамман» или «ватагаман», то есть, главный распорядитель артели, товарищества (ватаги), употреблявшегося в этом смысле в новгородских грамотах XIII века.

Есаул

От татарского - ясаул, в старину писалось: эсаул, прежде - звание, должность; в последнее время было чином в казачьих войсках, соответствующим чину ротмистра, капитана.

Звание же «войскового есаула» сохранилось лишь за двумя лицами, состоявшими при войсковом атамане: при выходе атамана на войсковой круг, они ему предшествовали, имея в правой руке насеку.

Станица

По объяснению профессора Н.И. Веселовского, слово «станлица» принадлежит к арийским языкам, в санскритском корень его stha (стха) значит «стоять», отсюда sthana (стхана) - «место» или «местопребывание»; в древне-персидском языке слово это стало употребляться в смысле страны - «Индостан», «Курдистан», «Туркестан» и т.д. Казаки словом «станлица» называли и отряды: «послать грамоту со станицей». «Зимовой станицей» называлось (по смыслу своего «зимования» на месте) казачье посольство в Москву. С.Ф. Платонов в своих «Очерках по истории смуты» (СПб., 1899 г., стр. 144) пишет: «Неуловимы в необъятных пространствах «Дикого поля» казачьи отряды - «станлицы», по тогдашним выражениям, «козаковали» или «чуряли», где и как хотели...».

Курень

По объяснению профессора И.П. Березина, слово «курень» принадлежит монгольскому языку, - «кюриэнь», и обозначает: «ограда, становище, круг». В древние времена племя сходилось на каком-нибудь месте в виде кольца, а глава его находился в середине круга, это и называли «курень». От Запорожского казачества, где куренём называлось собрание станиц (или станицы), это слово перешло в другие казачьи войска, - главным образом, на Дон, где стало обозначать казачье жилище, его дом.

Приём в Сечь

Кто не помнит знаменитого гоголевского («Тарас Бульба») описания приёма в Сечь, в братство Запорожских казаков - «...А ну, перекрестись!».

Да иначе и быть не могло (и быть не может). Сечь всегда и для всех была раскрытою настезь, и единственным условием для входа в нее была православная вера, однако, по свидетельству Боплана (жившего между запорожцами в 1660 г.), принимаемый должен был доказать и свое удалство переплыть, например, знаменитые Днепровские пороги.

Очень характерный рассказ приводит Скальковский в своей истории «Новой Сечи» (т.е. последней), как один бывший запорожец, в глубокой старости, описывал свой приём в войско: «...Итак, я пришел в Сечь и явился в курень, а як уже мене совсем приняли, то атаман, при собрании всех, отвел мени в курене три аршина в длину, та два в ширину, сказал: «Вот тебе домовина (т.е. гроб), а як помрешь, то зробим еще короче...».

Первая всемирная география на русском языке о казаках

Первая всемирная география на русском языке вышла в начале XVIII века. Вот ее заглавие: «Земноводного круга краткое описание» (Ягана Гибнера). На немец. диалекте в Лейпциге напечатано повелением Великаго Гос. Царя и Вел. Князя Петра Первого, на российском напечатано в Москве, лета Господня 1719, в апреле месяце».

Что же в этой, редчайшей теперь, книге говорится о казаках? А вот что (сохраняем полностью орфографию):

«О казаках

Где есть козацкая земля?

Козаки, лат.: козаци, есть разбойнический народ, и немногим лучше турок и татар, а живут они от части в Украине, а от части при Днепре, противу татарских границ, и от части дале к востоку около реки Дона, или Таная. Оныя не самовластную республику сочиняют, но зависяют от сильных своих соседей, и таким образом иногда польския, иногда русския, а иногда турецкия васалы бывають.

Обычайно козаки разделяются в две разныя нации.

1- одна называется запорожския козаки, лат.: козаци запоровиензес.

2- другая называются донския козаки.

Где живут запорожския козаки?

Около Днепра или Бористена, ибо река Днепр, не впадая в Понт Евуинский, сперва сочиняет разныя острова, и на которых они прежде жили. Потом они имеют нарочитую часть Украины, где Бреславль, Киев, Батурин и Полтава стоят.

Прежде сего были запорожския козаки под ведением короля польскаго, которому велми добрыя службы против турок чинили, за что они ничего не просили, кроме что на каждого человека по червонному и по теплой шубе в год.

Но пред неколими леты зело их озлобили поляки. Понеже им в досаду построили крепость Кудак, от чего они, взбунтовавися, от короны польской отпали. И вступили большая часть в российскую, а некоторая часть в турецкую стороны, королевству польскому к невозвратному убытку.

Где живут донския козаки?

Оныя гораздо дале на право около реки Таная живут. Ибо река Танай называется ныне Дон, от чего и народ сей имянуется. И сии в грабежах запороским ни в чём не уступят. А стоят больше с стороны московской, которая суть их ближния соседи».

Но разводить руками над этими сведениями о казаках нам не стоит, потому что в этой географии и о Париже говорится что: «улицы его зело грязны и от разбоя

небезопасны».

Лев Толстой о терских казаках

«...В этой плодородной, лесистой и богатой растительностью полосе живет с незапамятных времен воинственное, красивое и богатое староверческое русское население, называемое гребенскими казаками. Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Терек, между чеченцами, на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцам, казаки усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев, но удержали и там, во всей прежней чистоте, русский язык и старую веру. Предание, еще до сих пор свежее между казаками, говорит, что царь Иван Грозный приезжал на Терек, вызывал с Гребня к своему лицу стариков и дарил им землю по сю сторону реки, увещевая жить в дружбе.

Этот христианский народец считает себя на высокой степени развития и признает человеком одного только казака.

...Еще до сих пор казачьи роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности и войне составляет главные черты казачьего характера. Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка. Казак большую часть времени проводит на кордонах, в походах, на охоте или рыбной ловле. Он почти никогда не работает дома. Пребывание его в станице есть исключение из правила, и тогда он «гуляет». Вино у казаков у всех своё.

Красота гребенской казачки особенно поразительна соединением самого чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины. Казачки носят одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешмет и чувяки, но платки завязывают по-русски...

...Ты бы посмотрел, как в старину гуляли! Бабы выйдут, бывало, грудь всю золотыми в два ряда обвешают. На голове кокошники золотые носили. Как пройдет, так фр! фр! шум подымается. Каждая баба как княгиня была. А казаки бочки выкатят на двор, засядут, всю ночь до рассвета пьют. А то схватятся рука с рукой, пойдут по станице лавой. Другой раз три дня гуляют. Батюшка, бывало, придет, еще я помню, красный, без шапки, всё растеряет, придет и ляжет. Матушка уже знает, бывало: свежей икры и вина принесет ему опохмелиться, а сама бежит по станице шапку его искать... Так двое суток спит... Вот, какие люди были! А нынче что?..».

(«Казак»).

Казачья песня

Кажется, нет ни одного крупного русского писателя, который бы прошел мимо казачества.

Гоголь, Пушкин, Толстой, Лермонтов черпали в казачестве темы для всем известных, ставших бессмертными произведений. Они полюбили вольнолюбивый народ, и вполне заслуженно могут быть зачислены в друзья казачества.

Максима Горького к идейным друзьям казачества причислить никак нельзя, однако и он, несмотря на свою неизменную предвзятость и «отталкивание» от всего, что ему казалось не «народным», не мог устоять перед очарованием самого лучшего проявления подлинной народности - казачьей песни. Приводимые ниже строки, взятые из его рассказа «В людях», служат тому доказательством.

Вот что писал М. Горький о казачьей песне:

«...Кзаки казалась иньми, чем солдаты, не потому, что они ловко ездили на лошадах и были красивее одеты, - они иначе говорили, пели другие песни и прекрасно плясали. Бывало, по вечерам, вычистив лошадей, они соберутся в кружок около конюшен, и маленький рыжий казак, встряхнув вихрами, высоким голосом запоет, как медная труба; тихонько, напряженно вытягиваясь, заведет печальную песню про Тихий Дон, синий Дунай. Глаза у него закрыты, как закрывает их зорянка-птица, которая часто поет до того, что падает с ветки на землю мертвой, ворот рубахи казака расстегнут, видны ключицы, точно медные удила, и весь человек этот - литой, медный. Качаясь на тонких ногах точно земля под ним волнуется, разводя руками, слепой и звонкий, он как будто перестал быть человеком, стал трибою горниста, свирелью пастуха. Иногда мне казалось, что он опрокинется, упадет спиной на землю и умрет, как зорянка, потому что истратил на песню всю свою душу, всю ее силу.

Спрятав руки в карманы и за широкие спины, вокруг него венком стоят товарищи, строго смотря на его медное лицо, следят за рукою, тихо плавающей в воздухе, и поют важно, спокойно, как в церкви на клиросе. Все они - бородатые и безбородые - были в эту минуту похожи на иконы: такие же грозные и отдаленные от людей.

Песня длинна, как большая дорога, она такая же ровная, широкая и мудрая, когда слушаешь ее, то забываешь день на земле или ночь, мальчишка я или уже старик. Забываешь всё!

Замрут голоса певцов, - слышно, как вздыхают кони, тоскуя по приволью степей, как тихо и неустраимо двигается с поля осенняя ночь, и сердце растет и хочет разорваться от полноты каких-то необычайных чувств и от великой, немой любви к людям, к земле.

Маленький, медный казак казался мне не человеком, а чем-то более значительным, сказочным существом, лучше и выше всех людей. Я не мог говорить с ним. Когда он спрашивал меня о чем-нибудь, я счастливо улыбался и молчал смущенно. Я готов был ходить за ним молча и покорно, как собака, только бы чаще видеть его, слышать, как он поёт...».

Старинные казачьи песни

Кстати, о казачьих песнях. В них, в этих песнях, вся казачья история, география, быт, миропонимание и лирика. Мы будем давать в будущем, насколько позволит место в журнале, образцы старинной песенной сокровищницы казачества.

Как Яик-то наш, всё Яикушка,
Он бежит, бежит наш быстрехонек,
Выпадал он в море синее,
А на синем море часты острова,
А на островах казаки живут,
Казаки, братцы, народ вольный все.

Там дуван они все дуванили,
Пуховой шляпой добры молодцы.
Как на пай клали по пятисот рублей,
Как на кон клали красну девицу;
Доставалась красна-девица добру-молодцу,
Добру-молодцу, разудалому.

Возговорил-то он громким голосом:
«На бою ли моя голова наипервая,
На дуване ли - так последняя».
Как выхватывал добрый молодец саблю острую,
Он и снять хочет красной девице буйну голову.

Как возговорит красна-девица добру-молодцу:
«Не губи меня, красну-девицу.
Во ушах у меня серьги во пятьсот рублей,
На руках перстни - в целу тысячу,
А сама-то я к тебе так пришла».

С
сложи
полага

казачьих песен, уральского (яицкого) происхождения,
за, когда женщина считалась обузой для казака, которому
с кем и ни с чем не связанным, подлинно вольным.

*г. Париж (Франция).
«Общеказачий журнал» (США),
октябрь 1950 года.*

Основные Законы Всевеликого Войска Донского

Такое «громкое», как многим казалось и еще продолжает казаться, название войска было принято, по повторному предложению Донского атамана генерала П.Н. Краснова, Большим Войсковым Кругом, собравшимся с 15 августа по 20 сент. 1918 года⁵ в Новочеркасске.

Исторически это название неголословно. Со времени существования казачества на Дону все казачьи «городки» (станции) не только «тянули», но и беспрекословно подчинялись главному городку - столице Войска, которая и почиталась «Главным Войском»^{**}. Здесь и собирался тот войсковой круг, который как бы олицетворял «всё Великое Войско». Это не был почетный и пышный титул, посягающий на «всевеличие», а просто обозначение всей войсковой громады. Формула обращения к кругу была с давних времен строго установленной, а именно: «Атаманы-молодцы, и всё великое Войско».

«...Интересно отметить, что эта древняя формула была повторена и в грамоте круга к избранному Донским Атаманом 18 июня 1917 г. генералу А.М. Каледину. Нам кажется, нелишним напомнить и весь текст этой грамоты:

«Грамота от Первого Войскового Круга всего Великого Войска Донского избранному вольными голосами Войсковому Атаману, нашему природному казаку, генералу и георгиевскому кавалеру Алексею Максимовичу Каледину. По праву древней обыкновенности избрания Войсковых Атаманов, нарушенному волею Царя Петра I в лето 1709-е и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым Атаманом. Подтверждая сею грамотою нашу волю, вручаем тебе знаки атаманской власти и поручаем управление Великим Войском Донским в полном единении с членами Войскового Правительства, избранного также вольными голосами Войскового Круга. Руководством к законному управлению в Войске нашем должны служить тебе, наш Атаман, постановления, утвержденные Войсковым Кругом в соответствии с общегосударственными законами»^{***}.

Известна трагическая судьба первого выборного на Дону атамана А.М. Каледина, покончившего с собой 29-го января 1918 г.; пленение всего Дона и его казачества большевиками, кроме юго-восточной окраины Сальского округа (калмыцких степей), где с оружием в руках защищал казачью честь и достоинство двухтысячный отряд походного атамана генерала П.Х. Попова, являвшийся по существу, да и по своему составу, продолжателем героической партизанщины полковника Чернецова. Весенние восстания станиц, сначала разрозненно, потом стихийно - «сполохом», возвращение из Задонья отряда генерала Попова, та «казачья весна», восемнадцатого года, которая, наверное, останется самой незабываемой для ее участников, освободили столицу войска - Новочеркасск, на заре 23 апреля, на первый день Пасхи. «Христос Воскресе!», - встретил город своих избавителей. Первым ворвался в него Черкасский полк из южного (бывшего Заплавского) отряда полковника С.В. Денисова.

Уже через пять дней после этого в Новочеркасске собирается «Круг Спасения Дона», заседавший с 28-го апреля по 5 мая.

К этому времени восставшими казаками были очищены часть 2-го Донского, почти весь 1-й Донской и большей частью Черкасский и Верхне-Донской округа. Весь Таганрогский и части Ростовского и Донецкого округов были заняты подошедшими с запада немцами. В руках большевиков оставались Сальский, Усть-Медведицкий,

⁵ Все даты по старому стилю.

^{**} Столицами Войска были последовательно: 1) Раздоры, при впадении Донца в Дон (1549-1622); 2) Монастырский городок, на Монастырском урочище, ниже Черкасского городка (1622-1637); 3) Азов (1637-1642); 4) Раздоры (1643); 5) Черкасский городок (впоследствии станица Старочеркасская) (1644-1805) и 7) Новочеркасск (1805-1919). (Прим. автора).

^{***} У Н.Н. Туроверова грамота, как и статья, дана в дореволюционной орфографии (прим. изд-ва).

Хоперский и части вышеуказанных округов. Невозможность прибытия на Круг делегатов из всех округов Войска и, как показывает само название Круга - «Спасения Дона», естественно, направляет всю его работу на мероприятия военного характера: восстанавливаются прежняя форма одежды в армии, прежние выборные власти в станицах, мобилизуется 5 призывов казачества и немедленно принимаются в казаки все участники защиты Дона от большевиков⁶.

3 мая, 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся, на пост временного атамана избирается генерал П.Н. Краснов, которому вручается вся полнота власти до собрания Большого Войскового Круга и защита Дона.

К началу июля казачьи силы определялись уже в 50000 бойцов при 92 орудиях и 272 пулеметах против 63000 бойцов, 108 орудий и 372 пулеметов противника.

В августе 1918 года вся территории войска Донского была очищена от большевиков, кроме 5 станиц восточной части Сальского округа. При таком положении Донское правительство нашло возможным распустить по домам старшие возрасты и созвать выборный Большой Войсковой Круг к 15 августа в Новочеркасске, Круг не только утвердил генерала П.Н. Краснова в должности Донского Атамана, но и произвел его (после блестящего смотра выкованной в течение только 3-х месяцев постоянной армии^{**}) из генерала-майора прямо в генерала-от-кавалерии.

Большой Войсковой Круг, заседавший в течение 35 дней, уже имел возможность не только разрешить вопросы местного характера, поставленные событиями, но и осветить идеи Государственности Дона в своих основных законах, принятых Кругом 15-го сентября 1918 года.

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО^{*}**

(Нижеприводимый текст взят из сборника
«Донская летопись» №1, 1923 г.,
издание Донской Исторической Комиссии)

ЧАСТЬ ОБЩАЯ Раздел I. - Глава I.

1. Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства.

2. Верховная и законодательная власть в пределах Войска Донского принадлежит Войсковому Кругу.

3. Высшая исполнительная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Донскому Атаману.

4. Судебная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Судебным Установлениям и лицам, осуществляющим ее именем закона.

ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ Раздел II. - Глава II. Войсковой Круг

⁶ Был принят и проект «основных законов», измененный, дополненный и утвержденный Большим Кругом в сентябре.

^{**} Из двух младших, еще не бывших на военной службе, очередей, поставивших 12 конных, 2 пластунских, 2 стрелковых и 1 учебный, полков с артиллерией и техническими частями.

^{***} Оригинал дан Н.Н.Туроверовым в дореволюционной орфографии (прим. изд-ва).

5. Войсковой Круг состоит из членов, избираемых на три года на основании Положения о выборах.

6. Войсковой Круг созывается Донским Атаманом ежегодно на две очередные сессии, время созыва определяется самим Кругом.

7. В чрезвычайных же случаях Войсковой Круг созывается Донским Атаманом по собственному его почину или по заявлению одной четверти всего числа членов Войскового Круга.

8. Продолжительность сессии определяется самим Кругом.

Глава III.

Предметы ведения Войскового Круга

9. Войсковому Кругу принадлежит право:

а) Издавать, изменять, дополнять и отменять законы.

б) Избирать Донского Атамана.

в) Избирать Войскового Контролера.

г) Рассматривать и утверждать бюджет.

д) Рассматривать и утверждать сверхсметные ассигнования и разрешать заключения займов.

е) Разрешать выпуск кредитных билетов и обязательств Государственного Казначейства.

ж) Утверждать отчеты ведомств.

з) Объявлять войну и заключать мир.

и) Утверждать политические и торговые договоры, а равно все те, которые сопряжены с обязательствами Войскового Казначейства, или исполнение которых требует изменения или дополнения действующих законов.

й) Объявлять амнистию.

к) Предъявлять запросы Правительству.

л) Устанавливать контингент призываемых на военную службу.

м) Предавать суду членов Круга, Атаманов, Управляющих Отделами, Войскового Контролера и Войскового Секретаря.

н) Разрешения на выдачу концессий и на сдачу в долгосрочную аренду Войсковых земель.

10. Для открытия Войскового Круга требуется присутствие не менее двух третей всего числа членов Круга.

11. Президиум Круга состоит из Председателя, товарищей его и Секретаря, избираемых Кругом из числа его членов; председатель и секретарь - на весь срок полномочий членов Круга, а товарищи председателя - на каждую сессию отдельно.

12. Порядок рассмотрения дел в Круге и положение об его организации определяется самим Кругом.

Глава IV.

О членах Круга

13. Члены Круга пользуются полной свободой суждений, мнений и голосований по делам, подлежащим ведению Круга, и никакой ответственности, кроме как перед самим Кругом, за высказанные в заседании Круга и его комиссиях и, вообще, при исполнении своих депутатских обязанностей, суждения и пр. действия, не подлежат, как во время работы, так впоследствии, по окончании срока полномочий.

14. Члены Круга освобождаются от призыва на военную службу по мобилизации.

15. Член Круга может быть подвергнут лишению или ограничению свободы не

иначе, как по распоряжению судебной власти; суду же предается постановлением Войскового Круга.

16. Для лишения или ограничения прав и свободы члена Круга во время сессии его должно быть испрошено разрешение Круга, кроме случая задержания члена Круга при самом совершении преступного действия общеуголовного характера.

16¹. Против членов Войскового Круга за преступные деяния, совершенные при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на них по сему званию, уголовное преследование возбуждается по постановлению административных департаментов Донского Сената. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное следствие, производство такового возлагается на одного из членов Судебной Палаты по определению общего собрания департаментов ее, а прокурорские обязанности исполняет обер-прокурор Уголовного Кассационного Департамента Сената. Оконченное следствие вносится при заключении сего обер-прокурора о дальнейшем направлении дела на обсуждение Войскового Круга, который постановляет о прекращении начатого уголовного преследования, или о предании обвиняемого Суду.

16². Член Войскового Круга за преступные деяния по службе подлежит суждению Уголовного Кассационного Департамента Сената в судебном его присутствии по правилам закона 11 апреля 1917 года.

17. Прочие права и обязанности членов Круга предусматриваются в положении об организации Круга.

18. Заседания Круга публичны, исключение устанавливается Положением о Круге.

Раздел III. - Глава V. О Донском Атамане

19. Донской Атаман есть глава Всевеликого Войска Донского

20. Донской Атаман избирается Войсковым Кругом из Донских казаков на три года.

21. В случае прекращения полномочий Атамана до истечения 3 лет (смерть, отказ от должности и т.п.) власть его, впредь до избрания нового Атамана, переходит к Председателю Совета Управляющих, который немедленно созывает Войсковой Круг.

Глава VI. Права и обязанности Донского Атамана

22. Донскому Атаману принадлежат право законодательной инициативы.

23. Донской Атаман в недельный со дня поступления к нему принятого Кругом закона срок передает его для обнародования Донскому Сенату.

24. В случае несогласия Атамана с принятым Войсковым Кругом законом, он имеет право в течение того же недельного срока возвратить его Кругу для вторичного рассмотрения.

Примечание: *Право Атамана на возвращение закона для вторичного рассмотрения Кругу не распространяется на Основные Законы.*

25. Если закон после нового рассмотрения в Круге принимается вторично, он немедленно обнародывается в установленном порядке.

26. Указанный недельный срок сокращается до 2 дней, если Круг признает закон неотложным.

27. Атаман назначает Председателя Совета Управляющих Отделами и поручает ему образование Совета.

28. Атаман утверждает Управляющих Отделами и Войскового Секретаря по представлению Председателя Совета Управляющих.

29. Атаман утверждает по представлениям Управляющих Отделами высших чинов Управления Войском Донским до начальников отделений включительно.

30. Атаман ведет от лица Войска Донского сношения с иностранными державами, для чего назначает посланников и консулов: первых по представлению Управляющего Отделом Иностранных Дел, а последних - Управляющего Отделом Торговли и Промышленности.

31. Атаман заключает от имени Войска международные договоры.

32. Если бы обстоятельства потребовали немедленного объявления войны, то Атаман обязан взять это на себя и сейчас же созвать Войсковой Круг для обсуждения создавшегося положения.

33. Атаман объявляет местности на военном осадном положении по соглашению с Советом Управляющих.

34. Атаману принадлежит право помилования осужденных, смягчения наказаний, а также сложения казенных взысканий, когда сим не нарушаются ничьи, огражденные законом, интересы и гражданские права.

35. Атаман призывает к отбыванию воинской повинности население области на основании существующих на сей предмет законов.

36. Атаман есть Верховный Вождь Донской Армии и Флота. Донскому Атаману принадлежит верховное начальство над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Донского Войска. Он издает приказы относительно дислокации войск, приведения их на военное положение, обучения и прохождения службы чинами армии и флота и всего вообще, относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Войска Донского. Донским Атаманом устанавливаются ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота.

37. Атаман производит военных за отличие в делах против неприятеля и за отличие по службе, а также военных и гражданских чинов за выслугу лет, в чины, назначает им награды и утверждает все назначения, которые делаются по команде.

38. Приказы и распоряжения Атамана, касающиеся отдельных Управлений, скрепляются Председателем Совета Управляющих Отделами и Управляющим подлежащего Отдела.

39. За свои приказы и распоряжения Атаман несет ответственность вместе с скрепляющим их Управляющим Отделом перед Кругом.

40. За преступления против Войска Донского Круг возбуждает уголовное преследование против Атамана не иначе, как по постановлению о сем большинства двух третей голосов наличных членов Круга. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное следствие, производство такового возлагается на одного из сенаторов Кассационного Департамента Донского Сената, по определению Общего Собрания его Департаментов, прокурорские обязанности исполняет обер-прокурор Уголовного Кассационного Департамента Сената. Означенное следствие вносится при заключении обер-прокурора Уголовного Кассационного Департамента Сената о дальнейшем направлении дела в Войсковой Круг, который постановляет о прекращении возбужденного преследования или о предании обвиняемого суду. Постановления Войскового Круга о предании суду должно последовать не иначе, как по большинству двух третей голосов присутствующих. За преступные деяния по службе Донской Атаман подлежит суждению Уголовного Кассационного Департамента Сената в судебном его присутствии по правилам закона 11 апреля 1917 года.

Примечание: На время нахождения Донского Атамана под судом, власть его переходит к Председателю Совета Управляющих Отделами.

Глава VII.

41. С момента объявления войны до заключения мира Атаман получает право:

1) Мобилизовать население Войска Донского в количестве

по мере надобности и в порядке призванных сроков по своему усмотрению.

2) Формировать новые воинские части, создавать учреждения, должности Военно-Морского Управления, утверждать штаты этих учреждений и производить своей властью все назначения по Военно-Морскому Управлению.

3) Открывать кредиты на военные надобности по соглашению с Советом Управляющих до созыва Круга.

4) Объявлять те или иные группы населения военнообязанными.

5) Реквизировать средства передвижения, обмундирование и довольствие для воинских частей.

6) Объявлять совместно с Советом Управляющих те или другие части территории Войска Донского на военном или осадном положении.

7) Призывать население к отбыванию трудовой повинности.

42. По своем избрании Донской Атаман в Войсковом Соборе перед св. Крестом и Евангелием под Войсковыми знаменами приводится архиепископом Донским и Новочеркасским к присяге Войску Донскому, которую приносит в последующей форме:

«Именем Бога Всемогущего перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, перед Атаманскими войсковыми знаменами, кровью казачьей политыми, обещаюсь Войску Донскому служить, не щадя живота своего, до последней капли крови и всё к славе и процветанию Войска Донского направлять и законы для того устанавливать, по крайнему своему разумению и силе, споспешествуя всему, что к Войску Донскому верной службе и пользе Государства относиться может.

Господи, Боже Отцов и Царю Царствующим, настави, вразуми, и управи мя в великом служении, на которое я Войсковым Кругом, Атаманами молодцами избран и поставлен.

Да будет со мною присядающая Престолу Твоему Премудрость, пошли с небес Святых Твоих, да разумеют, что есть угодно пред Очами Твоими и что есть право по заповедям Твоим. Буди сердце мое в руку Твою. Аминь».

Раздел IV. - Глава VIII.

О вере

43. Первенствующая в Войске Донском есть вера христианская, православная.

44. Все, не принадлежащие к православной вере граждане Войска Донского, а также все, проживающие в пределах Войска, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и Богослужения по обрядам оной.

Раздел V. - Глава IX.

О Войсковом гербе, флаге и национальном гимне

45. Войсковой герб Войска Донского есть в голубом щите черный, стилизованный степной «Елень (олень) пронзен стрелой» - старый герб до-Петровского Донского казачества. Этот герб изображается на печати Войсковой в круге, с надписью кругом: «Всевеликое Войско Донское».

46. Донской флаг, ныне уже существующий, состоит из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой, означающих национальные цвета издревле живущих на Донской земле трех народностей: Донских казаков, калмыков и русских крестьян.

47. Национальным гимном Всевеликого Войска Донского признается гимн «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон».

О Совете Управляющих и самих Управляющих Отделами

48. Совет Управляющих Отделами Войска Донского объединяет все ведомства Войска и является высшим Правительственным Органом.

49. Направление и объединение действий отдельных ведомств по предметам как законодательства, так и высшего Государственного Управления возлагается на Совет Управляющих Отделами.

50. Ведению Совета Управляющих подлежит:

1) Управление Войском Донским на точном основании законов.

2) Составление законопроектов и представление их на уважение Войскового Круга.

3) Право издавать в перерыве между сессиями Круга с утверждения Атамана законы с тем, чтобы они были представлены на рассмотрение ближайшей сессии Войскового Круга.

4) Составление проекта росписи государственных доходов и расходов и разрешение сверхместных и дополнительных кредитов.

5) Дела о назначении пенсий.

6) Вопросы, касающиеся отчуждения государственных и частных имуществ.

7) Вопросы, вносимые на обсуждение Совета Донским Атаманом.

51. Совет Управляющих состоит под Председательством

Председателя Совета Управляющих Отделами.

52. Во время председательствования в Совете Донского Атамана Председатель участвует, как член Совета.

53. Дела решаются в Совете простым большинством голосов и постановления получают обязательную силу по утверждению их Атаманом.

54. Управление делами Совета Управляющих возлагается на Войскового Секретаря и подчиненную ему Канцелярию.

55. Совет Управляющих и каждый Управляющий обязаны отчетом и ответственны перед Войсковым Кругом и Атаманом.

56. Управляющие отчисляются распоряжением Атамана, по представлению Совета Управляющих, или подают в отставку в силу вотума недоверия к ним Войскового Круга.

57. За преступные по должности деяния Председатель Совета Управляющих, Управляющие Отделами и Войсковой Секретарь подлежат гражданской и уголовной ответственности на основаниях, в законе определяемых.

58. Возбуждение уголовного преследования, производство следствий и предание суду в отношении Председателя Совета Управляющих Отделами, Войскового Контролера и Войскового Секретаря совершается порядком, установленным для членов Войскового Круга. Иски же о вознаграждении предъявляются к ним в Гражданском Кассационном Департаменте Донского Сената в порядке закона 11 апреля 1917 года.

Раздел V. - Глава X.

О правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого Войска Донского

59. Условия приобретения прав граждан Войска Донского, равно как и прав казачества, а также утрата их, определяется законом.

60. Защита отечества есть священная обязанность каждого казака и гражданина Войска Донского. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности согласно постановлениям закона.

61. Казаки и граждане обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно с постановлениями закона.

62. Никто не может подвергаться преследованию за преступные деяния иначе, как в порядке, законом определенном.

63. Никто не может быть задержан под стражей иначе, как в случаях, законом

определенных.

64. Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действующими во время совершения сих деяний уголовными законами.

65. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище без согласия его хозяина обыска или выемки допускаются не иначе, как в случае и порядке, законом определенных.

66. Каждый Донской казак и гражданин имеет право свободно избирать местожительство и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать из пределов Войска.

67. Донские казаки и граждане имеют право устраивать собрания явочным порядком в целях, непротивных законам, мирно и без оружия.

68. Каждый может в пределах, установленных законом, высказывать устно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печатания или иным способом.

69. Донские казаки и граждане имеют право образовывать общества и союзы в порядке, законом установленном.

70. Все казаки и граждане равны перед законом.

71. Все сословные привилегии и сословия отменяются.

Раздел VI. - Глава XII.

72. Законы вступают в силу с момента окончательного принятия Войсковым Кругом и по обнародовании установленным порядком, если в самом законе не указан срок вступления его в силу или если не указано на обращение его до обнародования к исполнению по телеграфу или через нарочных.

Раздел VII. - Глава XIII.

Об органах местного самоуправления

73. Всевеликое Войско Донское разделяется на округа: Черкасский, 1-й Донской, 2-й Донской, Донецкий, Хоперский, Усть-Медведицкий, Миусский (Таганрогский), Сальский, Ростовский и Верхне-Донской.

74. Органами местного самоуправления являются: 1) Окружной Круг, 2) Окружное Управление, 3) Станичный и волостной сборы, 4) Станичное и волостное правление, 5) Хуторское и сельское правление.

Примечание: Таганрогский округ управляется на основании особого Положения.

75. Окружной Круг составляется из членов Войскового Круга и депутатов от станиц, избираемых на основании Положения о выборах в Окружной Круг.

76. Окружной Круг действует при полном согласовании с законоположениями и распоряжениями Войскового Круга, Донского Атамана и Правительства.

77. Ведению Окружного Круга подлежит: 1) избрание на трехлетний срок окружного атамана, утверждаемого Донским Атаманом и 2) утверждение представленных окружным атаманом помощников последнего в необходимом числе.

Примечание: Помощник окружного атамана по военной, части назначается Донским Атаманом.

3) Рассмотрение местных нужд и изыскание средств и способов к их удовлетворению.

4) Изыскание всяких мер к поднятию экономического и культурного благосостояния округа, улучшения медицинского, санитарного его состояния, улучшения путей сообщения и т.д.

5) Возбуждение ходатайств разного рода перед Войсковым Кругом, Донским Атаманом и Донским Правительством, об улучшении нужд округа.